

Магический детектив (АСТ)

Мария Дубинина

Дзюсан. Академия-фантом

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дубинина М.

Дзюсан. Академия-фантом / М. Дубинина — «АСТ»,
2016 — (Магический детектив (АСТ))

Расследование пропажи сестры приводит бывшего детектива Генри Макалистера на одинокий остров в Японском море, в Дзюсан – элитную Академию для особенных подростков. Здесь оживают вековые тайны, бесследно исчезают люди, а призраки бродят по коридорам старинного особняка. Но Генри еще не подозревает, что угодил в паутину, выбраться из которой сложно не только живым, но и мертвым...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дубинина М., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

История первая, в которой Академия принимает нового гостя	6
История вторая, в которой пропавшая ученица оставляет подсказку	19
История третья, в которой Кимура узнает, что боится пауков	31
История четвертая, в которой Генри и Сората играют в детектива и подозреваемого	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мария Дубинина, Сора Наумова

Дзюсан. Академия-фантом

© С. Наумова, 2016

© М. Дубинина, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Хотим выразить свою благодарность Денису Дракону и Свете
Ламоновой за вдохновение и поддержку!*

Список действующих лиц¹

Генри Макалистер (шотландец) – комендант муж. общежития / бывший полицейский
Кимура Сората (японец) – шеф-повар
Асикага Руми (японка) – учительница литературы
Акихико Дайске (японец) – заместитель директора
Сакураи Кику (японка) – медсестра
Хенрик Ларсен (датчанин) – учитель химии
Нильс Йохансен (швед) – садовник
Алеш Новак (чех) – психолог

Студенты

Ода Николь (японка)
Юлия Шульц (немка)
Курихара Хибики (японец)
Сэм Чандлер (австралиец)
Минако (японка)
Акеми (японка)

Призраки

Юми
Накамура Хироши
Мика
Смотритель маяка

Прочие персонажи

фрау Мейер – комендант женского общежития
Даррел Дикрайн
учительница биологии
кухарка

¹ Для японских имен действует следующий порядок: сначала фамилия, потом имя.

История первая, в которой Академия принимает нового гостя

*Не из обычных людей
Тот, которого манит
Дерево без цветов.*

Камидзима Оницура

Людам свойственно воображать, и умелый кукловод способен любую выдумку обернуть себе на пользу. Однако, поступая так, стоит лишний раз убедиться, что сказка – это только сказка, иначе сам рискуешь стать всего лишь ее персонажем.
Акихико Дайске. Мемуары

Ворота Академии «Дзюсан» с легким механическим шорохом закрылись за спиной последнего прибывшего – молодого рыжего британца. Багаж его был на удивление скромен и умещался в одном чемодане на колесиках и спортивном рюкзаке за спиной. Он сложил ладони козырьком и прищуренным взглядом оглядел уходящую из-под ног широкую гравийную дорожку, что вела сквозь классический английский парк до самого входа в Академию. Решительно взявшись за ручку чемодана, британец зашагал вперед.

День шел на убыль, и закатные лучи золотили воду в фонтане перед помпезным портиком с рядом мраморных колонн и пятью широкими ступенями. Молодой человек остановился и немного нерешительно покосился на закрытые двери. Его должны были ждать, однако встречающих видно не было.

– Вы меня не заставите! – раздался над головой пронзительный вопль, и следом за ним окно второго этажа распахнулось, и оттуда по широкой дуге вылетел цветочный горшок. – Только через мой труп! Вот!

Через подоконник перевесилась молодая симпатичная японка с лицом, преисполненным явного намерения отправиться следом за несчастным горшком. Заметив невольного свидетеля, она передумала прыгать и, упершись в подоконник грудью, с интересом уставилась на гостя:

– А ты еще кто такой?

Говорила она четко и ясно, что существенно упрощало понимание чужого языка. Молодой человек неловко махнул в воздухе свободной рукой:

– Генри Макалистер, к вашим услугам, мэм.

– А, новый комендант, – поскущнула девушка и скрылась внутри. Генри не успел удивиться, как двери сами собой распахнулись, как бы приглашая войти, чем он не преминул воспользоваться. Если издалека Академия показалась вполне обычным учебным заведением, то теперь он начал понимать, что определенно попал куда нужно.

О японской Академии «Дзюсан» ходили самые противоречивые слухи: одни хвалили ее за стремление помочь особенным детям приспособиться к жизни, другие обвиняли в мошенничестве, а третьи – и их было немало – с полной серьезностью уверяли, будто в стенах особняка на маленьком закрытом острове водится нечистая сила. Оказавшись один в просторном, чистом, но несколько мрачноватом холле, Генри Макалистер мог на личном опыте убедиться, что оснований для последнего было предостаточно. Цепкий взгляд бывшего полицейского в мгновение ока отметил все самые мельчайшие детали обстановки,

однако же впечатление оказалось столь сильно, что оттеснило профессиональные навыки на второй план.

– Есть кто? – позвал Генри, убедившись, что встречающие к нему не спешили. Гулкое мощное эхо отразилось от высокого куполообразного потолка и вернулось к говорящему искаженным до неузнаваемости голосом, который легко можно было бы приписать существу потустороннему, но никак не человеку. Поежившись, точно от порыва холодного ветра, Макалистер начал восхождение по широкой парадной лестнице, укрытой мягкой ковровой дорожкой, гасящей звук шагов. Подобное отношение к приглашенному на работу новому сотруднику его смутило, но и только. Ожидая от «Дзюсан» чего угодно, он решил относиться к игнорированию своей персоны философски.

Очень скоро Генри пришел к неутешительному выводу, что без плана здания или без чьей-либо помощи он рисковал сам превратиться в привидение и до скончания веков искать кабинет замдиректора. Пустые коридоры навевали неприятные ассоциации, а рожки ламп на стенах, будто назло светили еле-еле и изредка издевательски подмигивали. Когда молодой человек уперся в очередной тупик, дверь аудитории № 4 приоткрылась бесшумно, и оттуда показалась любопытная головка молоденькой ученицы с двумя забавными хвостиками.

– Слава Богу, я хоть кого-то встретил! – не сдержал Генри радостного возгласа. – Юная леди, не подскажите, как мне найти мистера Акихико?

– Мистера Акихико? Заместителя директора? – неуверенно повторила девочка и, опустив лицо, ни с того ни с сего залилась румянцем. – Вы новый комендант мужского общежития? Девочки про вас только и болтают!

– Про меня? – удивился Генри. – Не может этого быть.

– Говорят, что вы англичанин из Лондона и умеете варить настоящую овсянку, – весело зашебетала девочка, но в коридор так и не вышла, по-прежнему выглядывая из-за двери. – Вот бы и нам такого коменданта! А привидений, привидений вы видели? Я слышала, в Англии их полным-полно?

Макалистер от души рассмеялся:

– Конечно, нет! Их же не существует, – не моргнув глазом, солгал он. – И я на самом деле не англичанин, а шотландец. Эй, а как тебя зовут?

Вопрос повис в воздухе. Дверь чуть поскрипывала от сквозняка, а за ней никого не было.

Генри вошел в кабинет. Обычная учебная аудитория – три ряда столов, на возвышении кафедра преподавателя, свет из приоткрытого окна бросал солнечные зайчики на чистую белую доску.

Людей в помещении не было.

– Жаль, мы могли бы подружиться, – негромко произнес Генри и, подходя к двери, услышал в шорохе дрожащих занавесок тихое: «Юми...» Улыбнувшись, он вышел в коридор.

– Не меня ли ищете, мистер Макалистер?

Генри вздрогнул, застигнутый врасплох негромким проникновенным голосом, говорящим по-английски правильно, но с легким японским акцентом, скорее скрашивающим приятный глубокий тембр, чем портящим его.

– Если вы мистер Акихико, то да. – Генри с недоверием окинул взглядом субтильную фигуру заместителя директора – черноволосого молодого японца, на вид совсем еще юного, точно сошедшего со страниц какого-нибудь девчачьего романчика. К тому же неестественный цвет его глаз – лиловый – навевал мысль о линзах. Определенно, заместитель директора в его представлении выглядел совершенно иначе. Юноша, в свою очередь, тоже внимательно его изучил:

– Далеко же вы забрались. – Акихико, если это действительно был он, прикоснулся к своему запястью, будто бы машинально поправляя манжет тщательно отглаженной рубашки. – Вы разве не видели план здания? Мой кабинет находится на первом этаже, как и ваша комната. Счастливая случайность, что мы с вами встретились.

– Прошу меня простить, – вежливо склонил голову Генри, – но мне показалось, что я увидел здесь ученицу.

Акихико приветливо улыбнулся, подошел ближе и, игнорируя все известные Генри стереотипы японского поведения, положил невесомую тонкую руку ему на плечо. От этого прикосновения по телу британца пробежала неприятная дрожь. Почему-то очень не хотелось, чтобы этот человек к нему прикоснулся. Волна инстинктивного отвращения схлынула, стоило юноше убрать руку, но собственная реакция настолько шокировала Генри, что он не сразу заметил, как Акихико подошел совсем близко и с интеллигентным любопытством заглядывает ему в лицо. Удивительного оттенка глаза будто стремились прочесть его мысли.

– Не обращайтесь внимания на... странные звуки, – посоветовал он. – Это очень старый дом. Идемте за мной.

Он развернулся и пошел прочь, идеально прямой и до отвращения элегантный.

К удивлению Генри, обратная дорога сильно отличалась от того пути, которым он сам пришел сюда. Лестница скрывалась за поворотом – странно, что он ее сразу не заметил – и выходила совсем рядом с буфетом, судя по табличке на двери и дивным ароматам свежей выпечки. Генри неожиданно вспомнил, что провел в дороге почти весь день и с раннего утра совсем ничего не ел.

– Запоминайте, мистер Макалистер, – с обаятельной улыбкой обратился к нему замдиректора. – Наш шеф-повар превосходно готовит. Удовлетворит даже самый взыскательный вкус.

Почему-то после этих слов Генри покосился на юношу, если его все-таки можно было так назвать, с вновь вспыхнувшими подозрениями. Весь его прилизанный до приторности вид вызывал отторжение на уровне инстинктов. Считая себя нормальным здоровым мужчиной, Макалистер не мог иначе относиться к типам вроде Акихико. Замдиректора замер вполоборота, оценивающим взглядом смерив странно покрасневшего Генри, отчего у того на миг сложилось впечатление, что Акихико совершенно точно знает, что происходило в его голове, и специально провоцирует.

– Д... да, спасибо большое, – запинаясь, поблагодарил Макалистер, чем заслужил еще одну сладенькую улыбочку от своего сомнительного работодателя.

Буфет остался позади вместе с манящими запахами сдобы и ванили, и, пройдя насквозь холл и следующий за ним коридор-близнец, мужчины остановились перед дверью с узкой позолоченной табличкой, удостоверяющей, что Акихико и впрямь тот, за кого себя выдавал.

– Надеюсь, мы с вами найдем общий язык, – выразил замдиректора надежду, незаметно перейдя на японский, и, кивнув на свободный стул, прошествовал вдоль Т-образного стола к шикарному кожаному креслу, в котором буквально утонул, умудряясь при этом сохранить деловой вид, что говорило о годах тренировок. – Вы привезли контракт?

Генри выложил на стол папку с подписанным экземпляром трудового договора. Акихико мельком взглянул на него и черкнул на последней странице размашистую подпись дорогой перьевой ручкой. Строго говоря, как заметил Макалистер, в этом кабинете все было безумно дорогим, однако же не вульгарным, как это обычно водится за неопытными коллекционерами. К тому же, если глаза не обманывали бывшего полицейского, одну из стен украшала работа кисти Биссона, а позади владельца висело масштабное полотно, изображавшее типичную английскую семейную пару на прогулке. Картина была наполнена свежими теплыми красками и совершенно не подходила к образу, сложившемуся у мужчины в голове.

– Вам нравится? – Акихико прищурился, как довольный кот. – Предпочитаю оригиналы. От подделок за километр несет ложью, а я не люблю, когда мне лгут.

– Я учту, – кивнул Генри, немало озадаченный тем, куда зашел разговор. Да и сам замдиректора вдруг перестал походить на изнеженного мальчишку. Впрочем, метаморфоза длилась недолго.

– Если вам ясны обязанности, то мы непременно поладим. Недели хватит, чтобы освоиться? В следующий понедельник можете приступить к работе. Или, быть может, вам требуются разъяснения?

– Нет. – Честно признаться, Генри не особенно вчитывался в договор, стремясь во что бы то ни стало попасть в Академию, и теперь эта поспешность вышла ему боком.

– Не забудьте забрать свой экземпляр, мистер Макалистер, – ненавязчиво напомнил Акихико. – Что-то мне подсказывает, что вам он пригодится, вздумай вы, к примеру, освежить утомленную долгой дорогой память, – и посмотрел на часы.

Генри проследил за его взглядом и торопливо вскочил:

– Я пойду. Приятно было познакомиться.

– Мистер Макалистер! – окрик настиг Генри возле самой двери. – Вы неплохо изъясняетесь по-японски, но настоятельно советую вам обратиться за помощью. Кимура для этого вполне подойдет.

Пристыженный и взволнованный, Генри отправился на поиски своей комнаты, даже не задавшись вопросом, как ему найти человека по имени Кимура, особенно если учесть, что он не представлял себе, мужчина это или женщина.

За дверью кабинета замдиректора коридор разветвлялся на три, один из которых вел к лестнице, а оставшиеся два в равной степени могли привести Генри к комнате коменданта.

– Вот мы снова и встретились. – Внимание мужчины привлекла невысокая миловидная японка с торчащими во все стороны короткими темными волосами. Девушка присела в шутливом книксене и помахала рукой: – Макалистер-сан.

Генри узнал в ней шумную особу, швырявшуюся цветочными горшками. Девушка выжидательно уставилась на него и скрестила руки на груди. Молодому британцу даже показалось, что он что-то неверно перевел в ее речи.

– Простите, мисс, – начал он, тщательно подбирая слова, – я ищу коменданта, – и быстро поправился, – комнату коменданта.

Она глубоко вздохнула:

– Какой невежливый. Кто же так с девушками знакомится? Я Асикага Руми, учительница литературы, – и она требовательно протянула руку, которую Генри с некоторым удивлением пожал. Укоренившийся в сознании типаж молчаливой и скромной азиатской женщины дал трещину. – Общежитие для сильной половины там. О! – Руми радостно хлопнула в ладоши. – Давай, провожу? Предыдущий комендант был редкостным занудой и никогда не приглашал меня в гости.

Видимо, в дружелюбии Генри она ничуть не сомневалась. Вслед за новой знакомой, он добрался, наконец, до искомой комнаты.

– Моя благодарность. – Мужчина с облегчением отпер дверь и тут вспомнил кое о чем: – Простите, а где мне отыскать Кимуру?

– Кимуру? – удивилась Руми. – Зачем тебе? Хотя ладно, ерунда. Угловая под номером 3, не заблудишься.

Пообещав еще поболтать как-нибудь, Генри дождался, пока шумная девушка уйдет, и предпринял попытку достучаться до Кимуры. На стук никто не ответил. Решив, что это судьба, он вернулся к себе и без сил рухнул на постель.

Обязанности коменданта и впрямь были весьма подробно расписаны в одном из пунктов трудового договора. Его, а также ряд организационных документов, обнаруженных на

письменном столе предыдущего коменданта, Генри изучил со всем возможным вниманием, однако же час был уже довольно поздним, и приглушенный свет настольной лампы настраивал на сонный лад. Макалистер смачно потянулся и зевнул. Доставшиеся ему апартаменты были недурны – светло-бежевые обои с нейтральным узором, темно-зеленые тяжелые шторы на двух выходящих соответственно в сторону парка и парадного входа окнах, постель, достаточно широкая для одного. Письменный стол только, по мнению Генри, стоило бы передвинуть ближе к окну, но это дело поправимое. Он еще раз душераздирающе зевнул и, бросив взгляд на большие настенные часы в ретро-стиле, засобиравшись в примеченную заранее душевую.

Вечерняя Академия производила еще более гнетущее впечатление. Пустые мрачные коридоры наполнились эхом шагов. Переодевшись в домашнее, Генри вооружился блокнотом и ручкой и отправился в холл, изучить информационный стенд, пока была возможность сделать это в тишине и покое. Учебный год начался две недели назад, хотя здесь, в «Дзюсан», программа обучения изрядно отличалась от привычной, и с ней Генри только предстояло познакомиться.

Как и ожидалось, холл был пуст, но лишь на первый взгляд. У того самого стенда, по левую сторону от парадной лестницы, стояла девушка и что-то внимательно читала. И первым бросилась в глаза стройная, по-мальчишески тонкая фигурка, а мягкие льняные брюки широкого кроя и спортивная куртка только придавали ей пикантности. Но больше всего Генри поразили волосы незнакомки – длинные, иссиня-черные, они гладкой блестящей волной спускались ниже лопаток. Девушка поменяла позу, расслабленно опершись на одну ногу и чуть прогнувшись в спине. Определенно, Генри предпочитал несколько иной типаж, но случая познакомиться упускать не собирался.

– Добрый вечер, мэм, – вежливо поздоровался он, подходя ближе. Сердце отчего-то волнительно забилось. – Я хотеть... хотел спросить...

Красавица медленно обернулась и изящным жестом заправила за ухо длинную прядь. «Хорошенькая», – подумалось Генри, от волнения забывшему, на каком языке нужно говорить и умудрившемуся смешать вместе английские и японские слова. А потом девушка заговорила. Красивым, бархатистым, но совершенно точно мужским голосом:

– Добрый. Но вы, кажется, меня с кем-то перепутали.

Генри уже сам осознал ошибку, скользнув ошарашенным взглядом по белой майке-борцовке, ничуть не скрывающей явной мужественности «таинственной незнакомки». Такого позора он предвидеть не мог. А уж, казалось бы, после смазливой замдиректора стоило отовсюду ожидать подвоха. Сгорая от стыда, Макалистер молчал, мечтая, чтобы это оказалось дурным сном. Длинноволосый парень тоже не спешил оправдываться, взирая на британца открыто и немного смущенно.

– Вы в порядке? – на чистом английском спросил он после долгой паузы. И тут Генри все же прорвало:

– Нет, я чертовски не в порядке! Меня пугали призраками и духами, а про чертовых трансвеститов предупредить забыли!

Круто развернувшись, он унесся прочь. Причина бурной вспышки негодования проводила его задумчивым взглядом, передернула плечами и вернулась к изучению стенда. Вывесили афишу для весеннего бала в честь Дня Странствующих Душ.

Генри едва ли бы смог объяснить свое возмутительное поведение, более того, запершись в комнате, он принялся корить себя за неуместную эмоциональность, которая не пристала лицу потомку кельтов, но традиционное воспитание прочно закрепило в нем идеалы правильного и неправильного, того, как должен выглядеть и вести себя настоящий мужчина и как не должен. Но все равно было стыдно и неловко, и Макалистер надеялся, что в ближайшее время с тем парнем не встретится.

Судьба не была благосклонна к вспыльчивому британцу.

Занятия начинались в девять, однако персонал Академии приступал к работе на час раньше. Генри проснулся без будильника, сделал короткую зарядку и, убедившись, что семь часов уже миновало, переоделся в черные брюки, рубашку и жилет, тщательно пригладил вечно торчащую челку и отправился штурмовать комнату № 3. Однако все приготовления оказались напрасны, ибо на стук снова никто не вышел. Генри постучал еще раз и принялся ждать, нетерпеливо притоптывая ногой. Он уже подумал было, что Асикага Руми ошиблась, как за спиной послышались шаги.

– Простите, вы кого-то ищете?

Бархатистый мягкий голос показался мужчине знакомым, и, оборачиваясь, он гадал, кого же увидит.

Давешняя «девушка», в спортивном костюме и с наушниками, стояла у него за плечом. Генри снова почувствовал, что мучительно краснеет:

– Я... э-э-э... – он напрягся, отыскивая в памяти разом позабытые японские слова. – Нет, не ищу.

Парень прошествовал мимо, слегка припадая на одну ногу, видимо, поврежденную, и отпер дверь. На пороге обернулся и еще раз посмотрел на Генри:

– Вам точно ничего не надо? – и откинул со вспотевшего лица выбившиеся из высокого хвоста пряди. Генри бросило сначала в жар, потом в холод. Чувствуя себя последним дураком, он поспешил удалиться, справедливо опасаясь наговорить лишнего.

С первого дня в стенах Академии «Дзюсан» Генри Макалистер умудрился едва не попасть под обстрел цветочными горшками, опозориться перед эксцентричным замдиректора и испортить отношения с человеком, которого даже совсем не знал. Таков был список достижений, который такими темпами грозил только расти и полниться.

Неудачно начавшееся утро незадачливый комендант решил исправить сытным завтраком, не без оснований считая, что вкусная еда – решение всех проблем или, по крайней мере, большинства из них. Столовая, вход в которую прятался под лестницей в холле, была на удивление пуста. Сверившись с часами, Генри еще раз окинул взглядом ряды незанятых столиков. Конечно, он пришел несколько рановато для приема пищи, но накопившийся стресс требовал немедленной разрядки. Взяв поднос, британец прошелся вдоль столов раздачи и к выбранному для завтрака месту пришел уже изрядно нагруженным. Однако не успел он воздать должное стараниям местных поваров, как аппетит перебил радостный возглас:

– Макалистер-сан! Как чудесно, что и вы тут!

Определенно, складывалось впечатление, что кроме самого Генри в Академии проживало еще только три человека, и одна из них – Асикага Руми – лавировала с подносом прямиком к его столу. Шумно опустившись на стул, она грохнула поднос о столешницу и, будто бы разом о нем забыв, уставилась на Генри.

– Ну, как устроились? Кошмары на новом месте не снились? Или как там у вас, европейцев, это бывает? – Руми озорно подмигнула и расплылась в дружелюбной улыбке, отчего ее и без того раскосые глаза превратились в две лучащиеся счастьем щелочки.

Генри призадумался, а что такого ему снилось ночью? Выходило, что ничего плохого, ведь едва ли можно назвать кошмаром парня из третьей комнаты, каким бы виноватым перед ним Генри себя ни чувствовал. А вот при мысли о загадочно подмигивающем лиловым глазом Акихико вообще пропадало желание завтракать.

– Нет. Я спал очень крепко.

– Это с непривычки, – непонятно к чему заметила Асикага. – Потом привыкнешь.

К чему Генри должен был привыкнуть, он так и не понял, однако девушка явно была не прочь поболтать, чем было грех не воспользоваться.

– А где все, мисс...

– Ой, да просто Руми, – отмахнулась она. – Тогда я буду звать тебя Генри-кун. Идет? На вопрос это мало походило, скорее на утверждение.

– Идет. Так где все люди? Ученики, преподаватели? Вчера я встретил всего несколько человек.

Руми выхватила с тарелки намазанный джемом тост и, ничуть не смущаясь, слизнула с него весь джем, после чего отправила хлеб в рот. Пришлось дожидаться, пока она прожует.

– Это норм... – Руми быстро отхлебнула чая. – Нормально. В субботу будет праздник Дня Странствующих Душ. Задействованы практически все, от первогодков до старожил. Я насили отмазалась.

Вероятно, имелась в виду та сцена с вываливанием из окна второго этажа. Что ж, подумалось Генри, шантаж – метод действенный.

– И мистер Акихико тоже будет участвовать? – закинул удочку мужчина.

– Дайске? Этот в первую очередь, он же у нас тут царь и бог, – то ли с восхищением, то ли с обидой ответила Руми. – Речь будет говорить.

– А что директор?

– А что директор? – пожала плечами девушка. – Ты его видел? И я не видела. Вот его зам, этот везде и всюду. Иногда бывает, в туалет заходишь, и так и кажется, он сейчас из-за сливного бачка выглянет. – Прямолинейности Руми было не занимать. Она вдруг с заговорщицким видом поманила Генри и, навалившись грудью на стол, громким шепотом поделилась: – Говорят, он с директором в отношениях состоит, ну, понимаешь, каких. Иначе с чего бы ему вести себя в Академии как хозяину? Я, конечно, свечку не держала...

Асикага хихикнула, представив, видимо, себе такую картину, а вот Генри было не до смеха. Он тоже на воображение не жаловался, и увиденное повергло его в священный ужас. Так все же не зря Акихико показался ему таким подозрительным!

Руми перестала хихикать и, заметив кого-то в дальней части столовой, подпрыгнула и призывно замахала рукой:

– Сората! Сората, иди сюда, я тебя кое с кем познакомлю!

Это имя Макалистер слышал впервые и понятие не имел, кому оно могло принадлежать. Оборачиваться было как-то неловко, и он дождался, когда Сората, кем бы он или она ни был, подойдет к их столику.

– Доброе утро, Асикага-сан, – поклонился подошедший мужчина. – Но попрошу вас впредь не называть меня по имени.

Генри захотелось немедленно провалиться сквозь землю вместе с подносом. «Красавица» из холла, парень из третьей комнаты Кимура и мужчина в костюме повара по имени Сората были одним и тем же человеком, и если Сорате Генри ничего обидного сделать не успел, то с первыми двумя уже поругался.

– Это Генри-кун, он будет комендантом мужского общежития, – проигнорировала укор Асикага. – Соблюдай правила, Сората, иначе он тебя накажет.

Руми подмигнула повару и уткнулась в чашку с остывающим чаем. Макалистер догадался, что сейчас должен что-нибудь сказать:

– Доброй ночи... То есть доброе утро, мистер Кимура!

Японец сдержанно кивнул, и Генри засомневался, нет ли у него случайно женственного и жеманного брата-близнеца?

– Доброе утро, Макалистер-сан.

– Ой, а вы что, уже успели познакомиться? – разочарованно протянула Руми. – Вчера, что ли?

Генри поймал на себе серьезный взгляд карих глаз Кимуры:

– Мы не знакомы.

– Вы говорите по-японски лучше, чем я ожидал, – пояснил Сората, – но Акихико-сан дал мне четкие указания позаниматься с вами.

Руми косилась то на одного мужчину, то на другого, горя желанием знать подробности, однако они не спешили продолжить разговор.

– Прошу меня простить, я должен вернуться к работе. Приятного аппетита.

Когда Кимура удалился, чуть прихрамывая, как и заметил в их недавнюю встречу Генри, Руми перешла в наступление:

– Когда вы познакомились? Я же вижу, вы друг друга узнали.

– Это не совсем так, – ответил он, слегка раздосадованный тем, что теперь вопросы задавали ему, а подобная смена позиций была ему непривычна. – Я, пожалуй, тоже пойду. Приятно было увидеться.

Генри оставил нетронутый завтрак и поспешно покинул столовую.

– Ну а мне-то как! – крикнула вдогонку Асикага и накинулась на еду.

В тот день Генри предстояло ответственное дело, подойти к которому следовало с особым тщанием, если, конечно, британец намеревался задержаться в своей должности как можно дольше. Суэта вокруг Кимуры неожиданно сильно затянула его, отвлекая не только от цели, ради которой он сюда прибыл, но и от работы, на которую подписался. А меж тем пришло время познакомиться со своими подопечными.

Подготовка к празднику вносила оживление в ряды учеников. Макалистер некоторое время постоял в дверях актового зала, присматриваясь и прислушиваясь, прежде чем, дождавшись перерыва в репетиции, подойти к группе мальчишек и девчонок, устроившихся в проходе между рядами, частично рассевшись на крайние кресла.

– Ты здорово поешь, Минако. – Светловолосый парень с южным загаром хлопнул хрупкую девушку по плечу и лучезарно улыбнулся. Генри перевел взгляд на нее. Худенькая, черноволосая, в милой форме из коротенькой клетчатой юбочки и белой приталенной блузки с бантом из шелковой ленты на тоненькой шее.

– Микрофон просто ужасен. Сэм, ты должен что-нибудь сделать с этой допотопной аппаратурой! Жуткий звук! И почему Николь опять не пришла?

Стоящий чуть в стороне хмурый высокий парень скептически хмыкнул. На взгляд Генри, он казался более взрослым, нежели его друзья, но дело было скорее во взгляде, которым тот одарил коменданта, повернувшись в его сторону.

– Эй, кто вы такой? – недружелюбно спросил он, не расцепляя рук, скрещенных на груди. Его товарищ с любопытством обернулся:

– Кого ты увидел?

Девочки всполошились, и Генри услышал, как они шепотом произнесли его имя. Юми, похоже, не обманула.

– Меня зовут Генри Макалистер, я новый комендант мужского общежития, – заученно представился он, надеясь, что ничего не напутал в этом сложном языке. Учить его пришлось в изрядной спешке, но способности к языкам были у него в крови.

Мальчишки переглянулись. Брюнет кивнул, и блондин, будто получив мысленную команду, ответил за них обоих:

– Приятно познакомиться, я Сэм, а это...

– Минако, – девушка грациозно поднялась на ноги и склонилась в традиционном поклоне. – Почему же вас не взяли к нам в общежитие? Какое досадное упущение.

Она во что бы то ни стало решила завладеть вниманием мужчины, и, воспользовавшись его минутным замешательством, парни сбежали. Макалистер сразу понял, что заслужить доверие детей будет очень непросто, и это стало очередной проблемой в его длинном списке.

Празднование Дня Странствующих Душ плавно перетекло в холл второго этажа, и разномастно одетая в свои национальные костюмы толпа приступила к наиболее приятной части мероприятия – танцам.

Появления Генри Макалистера в актовом зале часом ранее никто не заметил по причине его довольно существенного опоздания, впрочем, вступительную и весьма проникновенную речь замдиректора Акихико Дайске Генри застать успел.

– Я чрезвычайно рад видеть вас всех здесь, в стенах Академии «Дзюсан», – мягко и вместе с тем прочувствованно вещал он со сцены, освещенный таинственным светом приглушенных рамп. Ряды удобных обитых велюром кресел были заполнены учениками, преподавателями и обслуживающим персоналом, в честь праздника освобожденных от своих обязанностей. Приятный голос зама разносился по залу, усиленный не только микрофоном, но и отличной акустикой самого помещения. Генри поймал себя на мысли, что слушает речь Акихико с большим удовольствием, и скривился, будто съел целый лимон. – Многим из вас известна древняя легенда острова Синтар, которая повествует о фуна-юрэй, призраках утонувших в море людей. Так вот, эта легенда гласит, что в далекие времена, когда остров носил свое истинное название – Онисэн, и его жители молились позабытым богам, одной весенней ночью, такой темной, что даже лепестков цветущей сакуры было не увидеть во мгле, море у берегов озарилось прекрасным голубым сиянием. Удивленные люди решили, что морские боги явили им свою милость и послали несметные богатства из своих подводных сокровищниц. Все, от мала до велика, отправились на побережье, в надежде отыскать те сокровища, однако их жадность была жестоко наказана, и не все в ту ночь вернулись к своим женам и матерям. А наутро на берегу нашли деревянные обломки с неизвестными рисунками. Великая скорбь охватила остров, но стоило наступить новой весне, как море вновь заиграло голубыми огнями. И вновь пошли рыбаки на верную гибель. Жители посчитали, что это души погибших мореплавателей, странствующих по мировому океану, не могли выбраться на сушу, и потому прибывались к берегам и притягивали живых людей блеском несуществующего золота. Тогда жители острова решили задобрить духов и раз в год, в середине апреля, на берегу устраивали гулянья, пели песни и бросали в воду цветы и пищу.

Голос Акихико постепенно затих, но эхо его завораживающей истории еще звенело в воздухе. Зам поднял на притихших слушателей затуманенный, будто унесшийся сквозь время, взгляд:

– Это очень старая легенда, передающаяся из поколения в поколения жителями острова Синтар. Сколько в ней вымысла, а сколько правды, кто теперь знает? Но традиция проводить каждую весну праздник Дня Странствующих Душ осталась. Мы не станем приносить даров, но пусть сегодня всю ночь звучит музыка. Да будет так.

После короткой концертной части, Генри, сидящий на самом последнем ряду, первым покинул актовый зал.

Он притаился у дальней колонны, встав так, чтобы видеть всех и самому быть как можно менее заметным. Просторный холл был наполнен светом, отражающимся в десятках зеркал, завешивающих стены. Музыка перекрывала веселые голоса, смех и цоканье каблучков по паркету. Наблюдать за танцующими было невероятно увлекательно – ученики и преподаватели стремились перещеголять друг друга в яркости и самобытности нарядов. Взгляд выхватывал из толпы то русскую красавицу в красном сарафане и вышитом кокошнике, то южанку, разодетую как настоящая Кармен. Были и разудалые юноши-викинги и сдержанные китайцы в струящихся шелках. Генри половину жизни провел в строгой школе-пансионате для мальчиков и такой размах торжества видел, возможно, впервые.

Наблюдая за игрой света в зеркалах, он не сразу заметил девушку, притаившуюся за колонной совсем рядом с тем местом, где стоял он сам. На ней не было маскарадного

костюма, только простая юбка и вязаный свитер с пандами. Девушка не сводила взгляда с танцующих пар с легкой, как Макалистеру показалось, завистью.

– Привет, – решил он поздороваться. Девочка показалась ему очень грустной и одинокой. – Почему ты одна?

Она вздрогнула и большими темными глазами уставилась на мужчину. Генри ободряюще улыбнулся.

– Меня зовут Генри Макалистер, я новый комендант мужского общежития. – Он протянул руку, и девочка немного испуганно ее пожала. – А как ты? То есть кто ты?

– Ода Николь.

Сочетание имени и фамилии показалось Генри странным, но он пока слишком мало пробыл в Академии, чтобы составить свое мнение о принятой здесь нормальности.

– Почему ты не танцуешь, Николь?

Девочка упрямо поджала тонкие губы:

– Не хочу. Мне это ни к чему.

Макалистер не был выдающимся подростковым психологом, но догадался, что ее просто никто не приглашал.

– Хочешь потанцевать со мной? – Он галантно протянул ей руку. – Я не слишком хорош в этом, но буду стараться.

Николь ответила не сразу.

– Вы странный, – наконец, произнесла она. – Но мне это правда совсем неинтересно.

И девочка, круто развернувшись, сбежала по лестнице.

– Эй, смотри-ка, это же наш Генри-кун!

Асикага Руми обнаружилась в противоположном конце холла, но ее звучный голос с легкостью прорвался сквозь мешанину разнообразных шумов. Девушка живо замахала обеими руками и, подцепив за руку своего спутника, потащила за собой.

Они представляли собой весьма колоритную пару. Руми удивительно шло красное шелковое кимоно, опоясанное широким поясом-оби, а в мужчине Генри не без удивления признал Кимуру Сорату, этим вечером преобразившегося в настоящего самурая. С собранными в высокий хвост волосами он уже не выглядел невысоким тощим мальчишкой и производил впечатление. Одна его рука покоилась на рукояти деревянного меча.

– Добрый вечер. – Генри не сумел сдержать восхищения. – Мисс Асикага, вы великолепны!

– Вот! Вот! – Она едва не выронила веер, так резко взмахнула руками. – Настоящий джентльмен. А ты все оби, оби...

Руми вдруг замолкла и в немом изумлении оглядела наряд самого Макалистера, скользнула по белой льняной рубашке, накинутому поверх пледу и юбке-килту в красно-зеленую клетку, и остановила взгляд на традиционной сумке-спорране, отделанной мехом:

– Что? – занервничал он и бросил взгляд на Сорату в поисках намека. Кимура молчал со скорбным видом. Асикага прижала ладони ко рту и прыснула со смеху:

– Ты тануки, что ли, косплеишь?

– Что я делаю? – Генри растерялся. – Что такое тануки?

Кимура внезапно покраснел и выпалил, опередив девушку:

– Потом объясню! Идемте, Асикага-сан, я немедленно вас переодену.

Руми возмущенно шлепнула его сложенным веером по плечу:

– Это еще зачем, извращенец ты патлатый?!

Сората с трудом сдержался от того, чтобы схватиться за голову – Генри видел, как он борется с собой:

– Ваш оби завязан спереди.

– И что?

– Так носят замужние женщины.

– И что?

Сората вздохнул, как перед прыжком в воду:

– И женщины легкого поведения.

– И что? Я не поняла, тебе что за дело, какое у меня поведение?

Генри начал потихоньку понимать суть разговора. Для него лично местоположение банта на ее платье никакой роли не играло, тем более он вообще с трудом представлял, как можно самой себе завязать пояс сзади. Однако слова Кимуры его смутили, да и на крики уже начали оборачиваться.

– Мисс Асикага, – осторожно начал он, но девушка его перебила:

– Замечательные коленки, – без тени смущения заявила она, и Генри впервые показалось, что доставшийся от отца килт коротковат. – Обожаю красивые мужские коленки. Так бы и...

– Руми! – одновременно взвыли мужчины, и девушка кокетливо стрельнула глазками:

– Ну а что не так? Я девушка незамужняя, шотландцев люблю. Наверное. – Она задумалась. – Не знаю, не пробовала.

Ее замутненный, видимо, разыгравшимся воображением, взгляд вернулся к Кимуре:

– Хотел меня переодеть? Я согласна, можешь делать со мной что хочешь! – Она хихикнула и, подмигнув Генри, потащила Сорату прочь. Только длинный черный хвост взметнулся в воздух.

Почувствовав непреодолимое желание освежиться, Макалистер поспешил скрыться на балконе, пока искусительница в кимоно не вернулась, чтобы забрать его с собой третьим. По пути он едва не столкнулся с Акихико. Замдиректора был в своей обычной одежде, лишь из петлицы торчала свежая багряная роза. Дайске чуть заметно улыбнулся и кивнул, проходя мимо и оставляя за собой шлейф терпко-пряного одеколona.

Ночной воздух приятно охладил разгоряченную духотой наполненного людьми зала кожу. Ветерок ласковыми пальчиками пробежался по волосам. Балкон был пуст, под ним расстился темный английский парк, а за ним по обе стороны от подъездной дорожки мрачнел густой лес, подступающий почти к самой полоске моря, светлым пятном выделявшейся на фоне сумрачного, затянутого грозowymi тучами горизонта. Подернутая туманной дымкой болезненно-желтая луна тревожно выглядывала, точно испуганная приближающейся бурей. Генри запрокинул голову, наслаждаясь прохладой и тишиной. Ему показалось вдруг, что он слышит еле различимый плеск волн о песчаный берег. Вглядевшись вдаль он увидел вереницу голубых искорок, тянущихся к берегу, будто огни Святого Эльма на мачтах призрачного корабля, который никогда не найдет свою гавань. Генри припал к перилам, стремясь разглядеть необыкновенное явление, но огни растаяли под гнетом надвигающейся тьмы. Сверкнула молния, расчеркивая небо пополам. Громыкнул отдаленный раскат грома.

Гроза была совсем близко.

– Мне страшно, – услышал Генри совсем рядом. Схватившись за перила бледными тонкими ручками, стояла Юми и озабоченно глядялась в даль. Повернувшись к Генри, она повторила тихо. – Страшно. Вдруг они однажды все-таки придут?

Зябко обхватив себя за плечи, девочка медленно растворилась в воздухе, не оставив после себя ничего, кроме эха странных, пугающих слов.

Макалистер решил вернуться в холл, пока не пошел дождь.

Все было, как и прежде. Пары танцевали, играла музыка, сверкали ослепительно-ярким электрическим светом начищенные до блеска зеркала. Из бокового коридора вышли Руми и Кимура. Девушка устало обмахивалась веером:

– Вот не ожидала! – Она поправила оби, на сей раз завязанный там где надо. – Заводишься с пол-оборота, как неопытный мальчишка!

Сората что-то ей ответил, негромко, слов было не разобрать. Откровенность Асикаги как и всегда шокировала, но Генри чувствовал, что сможет к этому привыкнуть. И вдруг за спиной полыхнула зарница, кто-то из девушек громко взвизгнул, и весь свет одновременно погас.

В наступившей тьме вновь проявился проклятый дар Генри, и он отчетливо увидел, как закружились по залу призрачные силуэты давно мертвых танцоров. По телу пробежал холодок. Когда глаза привыкли к темноте, фантомы исчезли, Макалистер встретился глазами с напряженным Кимурой, сделал к нему шаг, и в этот момент пронзительно закричала одна из учениц.

– Прочь, прочь! – вопила она как резаная, кружась на месте и размахивая руками, будто защищалась от кого-то. – Не прикасайся ко мне! Прочь!

Генри бросился к девушке. В создавшейся суматохе сделать это оказалось не так просто. Все толкались, наступали на ноги, отталкивали в сторону. Наконец, ему удалось подобраться как можно ближе. Над упавшей девушкой склонился человек. Что-то в нем показалось Генри неправильным. И тогда незнакомец обернулся, сверкнув красными глазами из-под спутанной нечесаной гривы волос, оскалил звериные клыки и рассыпался осколками черного стекла. Ошарашенный увиденным, Макалистер не сразу понял, что был единственным свидетелем этого. Меж тем кто-то сообразил позвать на помощь, пострадавшую погрузили на носилки и без лишних слов понесли к выходу в левый коридор.

– Стойте! – крикнул им вдогонку Генри, едва ли сам себе способный объяснить, с чего так встревожился. Однако его никто не послушал.

Выбежав в коридор, полный дрожащих теней, он остановился, прислушиваясь. Сделал шаг вперед и едва не прошел сквозь возникшую на пути Юми:

– Не ходи! – высоким от страха голосом взмолилась она и вытянула перед собой руки. – Нельзя!

Генри посмотрел ей за спину. Едва ли теперь удастся проследить за подозрительными санитарями. Почувствовав это, Юми с облегченным вздохом исчезла. Генри ощутил ледяное прикосновение ее пальчиков к своему запястью.

Голова уже всю зарботала, обрабатывая факты и строя предположения. Генри повернулся, поднял глаза и увидел Кимуру.

– Мистер Кимура? – Генри нахмурился, не ожидая встретить его здесь. – Что вы тут делаете?

– Пошел за вами, – честно признался Сората. – Что произошло?

– Хороший вопрос, – протянул Генри.

Потому что реальных причин идти за ним у Кимуры быть не могло.

«Я никогда по-настоящему не задумывался над тем, что ждало меня в будущем. Для таких, как я, ненужных и странных, в этом будущем не было места. А потом все изменилось, и мои новые братья дали мне надежду.

Я буду вести этот дневник, чтобы когда-нибудь все узнали о пути, что нам пришлось пройти ради достижения благой цели.

Они нашли меня на рынке в Киото, где я как обычно подрабатывал разносчиком пирожков за жалкие гроши. Сказали, что знают о моих проблемах и могут помочь решить их. «Средство есть», – сказали они, и я с радостью им поверил. Так я и узнал о существовании человека по имени Даррел Дикрайн.

Дикрайн был широко известен в научных кругах, однако свой потенциал он направил написание сомнительного труда, в котором утверждал об открытии им некой потусторонней энергии. Новую материю доктор назвал в честь себя – энергия Дикрайна или энергия Ди. Дикрайн был довольно убедителен и яро доказывал свою правоту, приводя массу

примеров, ни один из которых, по сути, не являлся доказательством. Ученое сообщество подняло коллегу на смех, его работа подверглась критике, а спонсоры, на помощь которых он рассчитывал, отвернулись от него. Даррел потерял уважение среди ученых, и больше никто не относился серьезно к его дальнейшим исследованиям.

Дикрайн свернул свои исследования и в буквальном смысле исчез. Никто не слышал о нем до тех пор, пока через пять лет с ним не связался богатый английский лорд».

История вторая, в которой пропавшая ученица оставляет подсказку

*Прощальные стихи
На веере хотел я написать —
В руке сломался он.*

Мацуо Басё

*Границы непознанного настолько широки, что лишь глупец
возьмется утверждать, что в мире возможно, а что нет.*

*Но еще более глуп тот, кто входит в эти границы с закрытыми
глазами.*

Акихико Дайске. Мемуары

Без Юлии в комнате стало совсем пусто и даже будто холодно. Прошло три дня после бала. Николь педантично складывала забытые подругой вещи в картонную коробку, чтобы после передать замдиректора, и, так и не закончив, опустошенно привалилась спиной к ножке кровати. До сих пор не верилось, что Юлия Шульц, жизнерадостная, веселая и энергичная, внезапно решила покинуть Академию, в то время как учебный год начался не более трех недель назад! В этом было что-то странное, но что, Николь пока понять не могла. Размышляя над этим, девушка все больше убеждалась, что поведение соседки ничем не намекало на столь неожиданное решение. Мысли меж тем погрузились еще глубже, туда, где хранились особенно болезненные воспоминания. Хироши уехал полтора месяца назад, совсем немного не дождавшись начала каникул, и даже не попрощался. Казалось, это было буквально вчера.

Внезапно взгляд Николь зацепился за плюшевый брелок-мишку. Безделушка завалилась за письменный стол, и, только сидя на полу, удалось обнаружить пропажу. Сам по себе мишка не представлял особой ценности, но Шульц воображала, что это ее счастливый талисман, и скорее ушла бы из Академии в одной пижаме, чем рассталась с ним. Николь почувствовала укол страха...

— Мисс Ода? — в дверь деликатно постучали. — Мисс Николь, вы здесь?

Девушка торопливо поднялась с пола, все еще сжимая в руке плюшевого мишку, отряхнулась и открыла дверь. На пороге стоял высокий незнакомый мужчина, однако, приглядевшись, Николь его все же узнала:

— Мистер Макалистер? — Она была удивлена визитом и не знала, что говорить, благо Генри взял инициативу на себя.

— Простите за предупреждение... — он замолк, подбирая слова, — ...за вторжение. Извиняюсь, я еще не вполне...

— Можете говорить по-английски, — пришла на выручку Николь. — Я неплохо знаю ваш язык.

Мужчина благодарно улыбнулся, и Ода ощутила прилив горячего смущения из-за того, что стоит на пороге своей комнаты и беседует с ним. Если кто-то из девочек увидит, разговоров хватит на неделю.

— Проходите внутрь, — Николь подвинулась, пропуская гостя. От нее не укрылось, что первым делом он быстро оглядел обстановку, точно запоминая ее, но скорее неосознанно, а

на автомате. Девушка не могла даже предположить, что ему от нее понадобилось, но поймала себя на мысли, что не испытывает страха. – Что вы хотели?

– Мне казалось, что попасть в женское общежитие сложнее, – вместо ответа произнес он и снова открыто улыбнулся. Николь не могла не улыбнуться в ответ:

– Вы путаете нас с женским монастырем, мистер Макалистер. До одиннадцати часов вечера никто не станет выгонять вас, если, конечно, вы не задумали чего-то дурного.

И она замолчала, выжидающе глядя на Генри.

– Сколько вам лет, мисс Ода?

– Что? – Девушка оторопела. – Мне? Семнадцать.

– А мне двадцать семь. Существенная разница. Однако, – он провел рукой по пустому столу Юлии, – вы мыслите как взрослый человек, Николь. Я хотел бы поговорить с вами о вашей соседке, Юлии Шульц.

Ее никогда прежде не допрашивали полицейские, да и не был Макалистер похож на полицейского, скорее на частного сыщика из английских детективов, но Николь не обманули расслабленный вид и приятные манеры.

– Вы хотите меня допросить?

Мужчина удивленно распахнул глаза. Яркоголубые, как отметила про себя девушка:

– Что вы! Мне просто интересно ваше мнение. Я был на балу и видел, что с мисс Шульц случилось нечто нехорошее. Она была чем-то больна? Ее что-то беспокоило?

Николь вздохнула:

– Значит, все-таки допрос. – Она кивнула на стул, а сама присела на край постели. – Нет, она была совершенно здорова и ни на что не жаловалась. Я спрошу прямо – вы считаете, она попала в беду?

Генри не спешил опровергать ее предположение.

– Не думаю, что стоит делать поспешные выводы, – после продолжительной паузы осторожно произнес он и пристально посмотрел на девушку. Та взволнованно стиснула подол юбки. – Однако есть основания полагать, что... Николь? Николь, что с вами?

Девушка неуверенно помотала головой, прогоняя так некстати возникшее головокружение. Ночью она плохо спала, и еще эта история с Юлией...

Генри опустил перед ней на корточки и заглянул в лицо. Его голубые глаза были так близко, что Николь увидела в них свое испуганное отражение. Резко отпрянув, она прижала руки к груди:

– Все в порядке!

Мужчина поднялся, все еще с подозрением глядя на девушку.

– У вас колени грязные. Что-то обронили?

Ода снова почувствовала головокружение:

– Ничего. Что еще вы хотели спросить?

Макалистер улыбнулся:

– Я не спрашиваю, просто интересуюсь. Понимаете, мисс Ода, я хочу помочь мисс Шульц. Если что-то вспомните или найдете, – он явно на что-то намекал, – сообщите мне. Обещаю, все останется строго между нами.

Он кивнул на прощанье и подошел к двери.

– Стойте! – Николь набралась храбрости и все же спросила. – Как это касается вас? Вы же не просто так пришли ко мне и задавали эти вопросы? Вы знали Юлию?

Генри вдруг рассмеялся:

– Я был прав насчет вас, мисс Николь. Вы невероятно сообразительны и не по годам серьезны. Нет, я не знал Юлию, – он помрачнел, будто вспомнил что-то очень печальное, – но я тоже кое-кого потерял и хочу найти.

Николь стало стыдно за свое любопытство:

– Простите, мистер Макалистер, я не хотела причинять вам боль.

– Боль? – казалось, он удивился. – Не берите в голову. Кстати, возможно вы могли бы мне помочь. Здесь училась девушка вашего возраста по имени Филлис? У меня есть фотография, – он достал карточку и протянул ее Николь.

Она честно попыталась припомнить:

– Филлис? Нет, я здесь второй год и не помню никого с таким именем. Лицо тоже незнакомое. Простите, пожалуйста. Это... это случайно не ваша сестра? Такое сходство.

Генри на миг погрузился, но вот уже очаровательно ей улыбнулся:

– Что ж, буду признателен, если вдруг вы что-то вспомните о ней или о мисс Шульц. И помните, что я вам сказал – можете доверять мне. Для вас я свободен двадцать четыре часа в сутки.

На последний вопрос он так и не ответил, и Николь поздно сообразила, что ни слова не сказала про брелок-талисман. Это наверняка было важно, но визит Макалистера так ее смутил, что в голове, казалось, не осталось ни одной дельной мысли. Однако бежать за мужчиной было бы уже слишком, и Ода решила назначить ему встречу позже. Успокоившись таким образом, она снова опустилась на пол перед полупустой коробкой. Что-то еще не давало покоя, перекачивалось в мозгу. Девушка взяла в руки мишку, сжала и вдруг нащупала внутри что-то твердое. Предмет был определенно металлический, продолговатой формы, и Николь принялась изучать брелок с новым интересом, пока не отыскала скрытую под густым мехом тоненькую молнию. Мишка раскрылся, как детский кошелечек, и внутри обнаружился небольшой ключ, не такой, как от комнаты – несколько меньше и другой формы. Николь задумалась, для чего Юлия так тщательно спрятала его и что он мог открывать.

Взгляд, свободно блуждающий по комнате, сам собой остановился на письменном столе Шульц, однако ни один из двух запертых ящичков не поддавался. Тогда Николь перешла к прикроватной тумбочке, где обычно девочки хранили косметику и прочую мелочь. Впрочем, был там и крохотный выдвижной ящичек. Сама Николь им не пользовалась – уж слишком он был неудобный, – но сейчас представила, что для хранения таких важных вещей как, к примеру, личные письма или дневник, такой ящичек подходил наилучшим образом. В этот момент все встало на свои места.

– Ты не будешь пользоваться своим ящичком? – поинтересовалась Юлия, отчаявшись впихнуть ворох самых разных вещей в слишком маленькую для этого тумбочку. Николь улыбнулась, наблюдая за мучениями подруги.

– Нет. Мне нечего туда класть.

– Отлично! Тогда я перекину часть барахла тебе, – обрадовалась Шульц. – Ты же не будешь против? Считай, что я отдам тебе их на хранение, как в банковскую ячейку.

Ода согласилась, для нее это было несложно. Юлия что-то спрятала в ее ящик и, заперев, забрала ключ себе.

Вспомнив о том давнем эпизоде, Николь метнулась на свою половину. Ключ легко повернулся в замке, и девушка извлекла наружу тонкую тетрадку, завернутую в однотонную обложку.

«Личная собственность Юлии Шульц. Ни в коем случае не читать!»

Надпись на первой станице определенно была сделана рукой Юлии, этот корявый крупный почерк Николь прекрасно знала. Значит, все-таки личный дневник. Невозможно представить себе, как такую вещь можно было не забрать с собой. Определенно, с Юлией что-то случилось.

Занятий в этот день было мало. Новая преподавательница литературы оказалась немного странноватой и ее манера преподавания отличалась от той, к которой ученики привыкли, однако посещать занятия стало не в пример интереснее.

– Что бы вам сегодня такого рассказать, детки? – Асикага-сан прошлась по кабинету и, встав за кафедру, расслабленно налегла на нее. – Или лучше послушать вас? Кто-нибудь хочет поделиться впечатлениями от биографии японской поэтессы X века Исэ?

Позади Николь кто-то громко усмехнулся.

– Чандлер, вы что-то хотите сказать по этому поводу?

В голосе преподавательницы с легкостью угадывалась ирония, которую та не пыталась скрыть. Николь чуть повернула голову, чтобы понаблюдать за реакцией не к месту развеселившегося парня. Сэм, как и ожидалось, густо покраснел. Его лучший друг, сидящий за соседним столом, напряженно стиснул авторучку. Переживал. Вообще тесная дружба в Академии встречалась не часто, учащиеся здесь были в основном слишком неординарными и необычными личностями, чтобы уживаться друг с другом. Проще говоря, за пределами острова их легко бы назвали психами.

– Что, Чандлер? – Асикага подошла к его столу и склонилась к парню, – язык проглотили? Мне казалось, вам всегда есть что сказать даме.

– Она была легкомысленной женщиной.

Асикага резко выпрямилась:

– Курихара? – Она повернулась к терзающему авторучку ученику. – Потрудитесь-ка объяснить, почему вы пришли к такому выводу?

Сэм Чандлер облегченно выдохнул. Не то чтобы подобная близость молодой преподавательницы была ему так уж неприятна, но Хибики хотя бы знаком с этой самой поэтессой, в то время как Сэм свой вечер потратил с куда большей пользой.

Курихара Хибики спокойно встретил хищный взгляд Асикаги, будто почуявшей новую жертву для литературных споров.

– У нее было трое мужчин, ни с одним из которых она не состояла в законном браке. Я считаю, что такое поведение недостойно женщины.

– Как интересно! – Асикага с размаху уперлась руками в его стол. – А если предположить, что всех их Исэ любила?

– Это невозможно.

– Вы уверены, что понимаете, о чем говорите? – прищурилась Руми. – Не каждому везет с первого раза найти свою любовь.

Однако и Курихара не сдавался:

– Это не имеет значения. Важны лишь верность, честь и долг.

– А вы идеалист, Курихара, – с восхищением протянула преподавательница. – Я бы с удовольствием побеседовала с вами вне занятий. Но один вопрос я задам вам сейчас. Вы сами кого-нибудь любили?

Николь вздрогнула. Разговор зашел куда-то не туда, если судить по побледневшему лицу Хибики.

– Да. Если вам так нужно это знать, да, – поднявшись, выдавил из себя парень и быстро покинул аудиторию. Чандлер вышел вслед за ним.

После этого эпизода лекция стала просто лекцией, и Николь, бессмысленно водя ручкой по раскрытой тетради, вернулась мыслями к балу. Генри Макалистер был прав: ей действительно хотелось танцевать, но никто ее так и не пригласил. Юлия тогда еще смеялась, что, будь она мужчиной, непременно бы стала ее спутником, но саму Шульц вниманием не обделили, и Ода решила провести вечер в одиночестве. Однако ближе к полуночи девушка не выдержала и отправилась хоть одним глазком взглянуть на праздник. Юлия блистала, как звездочка. Думая об этом, Николь понимала, что у той не было причин так спешно покидать

«Дзюсан», иначе это бы хоть как-то проявилось – в поведении, в настроении, в разговорах. Просто придя с занятий на следующий день в их общую комнату, Николь обнаружила отсутствие соседки, ее полки в шкафу были пусты, остались только некоторые мелочи и несколько книг, которые Шульц, к слову, так ни разу и не пыталась прочитать.

Ода отправилась напрямик к коменданту общежития, и та сослалась на зама. «Херр Дайске», как его за глаза называла немка Юлия, а вслед за ней и добрая половина Академии, благодушно принял Николь и объяснил, что на празднике с Юлией случился приступ, и ее пришлось срочно эвакуировать на материк, чтобы оказать необходимую помощь. А после родители изъявили желание забрать дочь к себе, та даже вещи едва успела собрать. И все же Ода уже тогда засомневалась в словах замдиректора, а Генри только помог ей убедиться в своих подозрениях. Вырвав из тетради листок, девушка принялась сочинять послание.

– Эй, Ода! – Девушка подняла голову и сообразила, что занятие закончилось и почти все разошлись. – Приходи завтра после полуночи в восьмую комнату.

– Зачем?

Николь не часто приглашали на подобные посиделки, зная, что она, скорее всего, откажется. К тому же у нее никогда не было ничего общего с этой девушкой – Минако. Типичная «готическая Лолита» по виду, она мнила о себе невесту что и с удовольствием принималась командовать другими.

– Будет интересно, – с таинственным видом произнесла Минако и, поманив за собой свиту, покинула класс.

И так вышло, что в своей записке Николь просила Макалистера встретиться с ней в полночь в библиотеке – одном из немногих помещений Академии, не запирающемся на ночь. С другой стороны, игнорировать приглашение Минако и других девочек с этажа было не очень хорошо, ведь с ними еще предстояло жить вместе, а рядом больше не было Юлии, чтобы поддержать и даже защитить, если понадобится. Одно ее присутствие вселяло в Ода уверенность. Окончательно запутавшись, девушка побрела на поиски Генри.

Отдать записку оказалось еще более сложной задачей, чем решиться ее написать. Открыто прийти в мужское общежитие, зайти в комнату коменданта и вручить ему послание представлялось Николь чистым самоубийством. Сунув записку между страницами томика стихов, девушка отправилась на прогулку. Свежий, пахнущий отцветающей вишней воздух слегка освежил голову, но не помог полностью избавиться от давящего чувства тревоги. Ода неторопливо брела по саду, загребая носками туфель опавшие лепестки. В этой части обширного сада царила японская весна, и та часть Николь, которая чувствовала зов своих азиатских корней, наслаждалась покоем, в то время как французская половина отчаянно жаждала приключений.

– Герр Маннелиг, герр Маннелиг, женись на мне! Тебя одарю я щедро, не отпущу, пока не дашь мне ответ! Скажешь «да» или «нет»!

Николь вздрогнула от неожиданности. Кто-то продирался сквозь густые заросли, громко и фальшиво напевая известную шведскую балладу. Очень громко и очень фальшиво.

– Герр Маннелиг, герр Маннелиг, женись на мне! Тебя одарю я щедро! – надрывался невидимый певец, и вот на дорожку вывалился растрепанный долговязый мужчина в замызганном темно-синем комбинезоне с заткнутыми за пояс резиновыми перчатками веселого оранжевого цвета. Садовник замолк, увидев замершую в нерешительности слушательницу, и всплеснул руками:

– Вот незадача! Я думал, что здесь нет никого, кроме Вилле и Халле!

– Вилле и Халле? – переспросила Николь и тут же пожалела об этом. Садовник Нильс Йохансон был не из тех людей, с которыми стоило вступать в диалог по причине не столько их многословности, сколько совершенной алогичности мышления. К примеру, Йохансон искреннее верил в существование садовых гномов, разговаривал с ними, подкармливал и

периодически забегал в Академию, чтобы всем о них рассказать. Разговаривал он всегда громко, скорее даже кричал, не вылезал из грязного поношенного комбинезона и мыл голову максимум раз в две недели, при этом его бледно-рыжие волосы всегда были одинаково взлохмачены, будто причесывался он теми же граблями, которыми убирал опавшую листву. Впрочем, при всех этих несомненных странностях садовником Нильс, похоже, был отменным, потому как содержал огромное пространство сада и парка в почти идеальном порядке, и никто никогда не видел, чтоб ему кто-нибудь помогал. Разве что только его садовые гномики.

– Это мои друзья, – с готовностью сообщил швед и немного кокетливо пригладил сальные волосы. – Хотите, я вас с ними познакомлю?

– Нет, спасибо, – отпрянула девушка. – Может, в другой раз.

Йохансон к чему-то прислушался:

– Еще кто-то? В такую рань! – Садовник смешно задрал голову. – Восточная тропинка, метрах в десяти от пруда с карпами. Высокий сильный мужчина, судя по шагам.

Николь пораженно выдохнула:

– Вы его слышите?! Это же так далеко!

– Там живет Олле, он нашептал мне, – расплылся он в улыбке. – Идет неуверенно, споткнулся. Новенький? Эй, фройляйн, вы куда?

Николь побежала в восточную часть сада, уверенная, что там найдет Генри Макалистера.

– Фею не разбудите!

Ода махнула рукой на бегу.

Дорожка, вымощенная светлым камнем, привела ее к аккуратному пруду с зелеными листьями лотосов, покачивающихся на воде. На противоположном берегу располагалась круглая деревянная беседка с остроконечной крышей.

Макалистер стоял спиной к девушке, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на беседку. Проследив за его взглядом, Ода поняла, про какую «фею» говорил садовник.

– Мистер Макалистер, – позвала она.

Получилось несколько громче, чем девушка рассчитывала, и задремавший в беседке Кимура Сората сонно заморгал, поднимая голову. Генри, казалось, обрадовался Николь:

– Мисс Ода, вы что-то вспомнили?

Вместо ответа она, косясь на приглаживающего волосы Кимуру, который вроде бы пока их не замечал, протянула мужчине свою книгу. Генри взял подарок и удивленно повертел в руках.

– Я плохо читаю по-японски, мисс Ода. И стихи не слишком люблю. Но спасибо, мне приятно ваше отношение.

Николь вспыхнула до корней волос. Захотелось громко обзвать наглого шотландца дураком и убежать, но даже в таком смущенном состоянии девушка понимала, как глупо сама при этом будет выглядеть. Как влюбленная школьница, бегающая за преподавателем.

– Мисс Ода? – Генри окрикнул девушку, но она уже скрылась за деревьями.

Ближе к вечеру Николь с ужасающей ясностью поняла, какую глупость совершила, и самое страшное заключалось в том, что пути назад не было. Ровно в полночь Генри придет в библиотеку и будет ждать ее. Николь взвыла и с головой накрылась одеялом, но даже это не смогло прогнать из головы дурацкую мысль о том, как он будет выглядеть, во что будет одет, какими словами встретит ее. Девушка сбросила одеяло на пол, перекатилась на живот и зарылась носом в подушку. Рядом на тумбочке безжалостно тикал большой розовый будильник – подарок родителей на прошлый день рождения. Оставалось еще два часа до приведения приговора в исполнение. Обняв плюшевого зайца, Николь прикрыла глаза и не заметила, как задремала.

Без четверти двенадцать Николь села на постели и круглыми от волнения глазами уставилась на циферблат. На ней все еще была ночная сорочка с кружевами по подолу и теплые носки. Ода молнией метнулась к шкафу и принялась вытряхивать оттуда вещи. Потом резко остановилась, рассердившись на себя.

– Это же не свидание, в конце концов, – строго напомнила она себе, украдкой бросив взгляд в зеркало. Из длинной неопрятной косы торчали волосинки, щека, к которой она прижимала ладонь во сне, все еще была красной. Юлия бы отвесила подруге подзатыльник за такой вид.

Николь взяла себя в руки, быстро переоделась в темные джинсы и водолазку и осторожно выглянула за дверь. В коридоре горел приглушенный свет. Девушка мышкой скользнула за угол, тихонько спустилась по лестнице и немного успокоилась только когда покинула крыло общежития и попала в основное здание. Здесь точно никого не должно быть в такой час. Проходя мимо лестницы на второй этаж, Ода услышала посторонний звук. Притаившись в тени, прислушалась. Звук повторился.

Кто-то шаркающими шагами передвигался по буфету.

Николь боялась даже вздохнуть. Шаги приблизились, из арки буфета показалась невысокая фигура и направилась в сторону холла. Как раз туда, куда нужно было самой Николь. Удивительно, но любопытство оказалось сильнее страха быть пойманной на месте преступления, и она, крадучись, пошла следом.

– Мистер Кимура?

Голос принадлежал Макалистеру, но его самого Николь видеть не могла, однако воображение уже нарисовало высокую подтянутую фигуру, короткие рыжие волосы и теплую, всегда будто бы немного извиняющуюся улыбку, впрочем, едва ли сейчас мужчина улыбался.

– Доброй ночи, Макалистер-сан, – спокойно поприветствовал его шеф-повар. – У вас плохой сон?

– Плохой сон? Не вполне понимаю...

– Мучают кошмары? Почему в такой час вы не в постели?

Николь придвинулась ближе и аккуратно выглянула из-за косяка. Посреди холла друг против друга стояли Кимура и Макалистер, и отчего-то девушке померещилось, как над ними сгущается атмосфера.

– Не знаю, на что вы намекаете, мистер Кимура. Мне незачем бояться кошмаров, моя совесть чиста.

Сората оперся на здоровую ногу, сместившись чуть влево, открывая обзор на напряженно вытянувшегося Генри.

– Аналогично. А вы поэтому бродите по Академии при полном параде?

– А вы в пижаме!

Ода вжалась в стенку, теряясь, то ли смеяться бессмысленному препирательству мужчин, то ли переживать, как бы дело не приняло нежелательный оборот.

– Вы невероятно наблюдательны. Я десять минут назад поднялся с постели. И это не пижама.

Приятный мягкий голос Сораты похолодел, и Николь решила, что сегодня едва ли удастся поговорить с комендантом. Уходя, она слышала отголоски дискуссии, перешедшей на тон выше.

– Я не желаю ссориться с вами, Макалистер-сан! Тем более среди ночи.

– А я с вами не ссорился, это вы почему-то стараетесь меня задеть. И у меня акклиматизация!

– Говорите или по-английски, или по-японски, я вас не понимаю.

– Не делайте из меня дурака!

Николь дошла до лестницы и больше не могла слышать, о чем они спорили.

Следующим утром она проснулась гораздо позже обычного и тут же ощутила все прелести нечистой совести и нарушенного слова. Представив себе Генри, оставшегося ждать ее у входа в библиотеку, Николь захотелось исчезнуть из Академии без следа. Наверняка, думалось ей, мужчина счел ее легкомысленной вертихвосткой, не упустившей случая обратиться на себя внимание. Именно подобная характеристика напрашивалась сама собой, и для Ода, серьезно относящейся к своей репутации, это было настоящим ударом по самооценке. Определенно, если срочно что-нибудь не предпринять, ситуация станет только хуже. Впрочем, девушка старалась не допускать крамольной мысли, что не хочет казаться ветреной глупышкой именно в глазах одного конкретного рыжего шотландца.

Ей непременно нужно было с ним объясниться, каких бы моральных сил это ни стоило.

Проводя много времени за чтением приключенческих книг, Николь и предположить не могла, что быть героиней одной из них так сложно. Девушка провела больше часа, плавно прочесывая Академию в поисках коменданта, прогулялась по саду, несколько раз, с перерывом в пятнадцать минут, заглянула в читальный зал, будто бы Генри до сих пор мог дожидаться ее там, пока не пришло время отправляться на завтрак. Современная светлая столовая уже была полна людьми. Столик, который предпочитала Николь, был свободен, и девушка поспешила к нему. Место, расположенное возле одного из широких, забранных бело-зеленым тюлем окон, позволяло обозревать весь зал и при этом давало иллюзию уединенности. Напротив как раз закончили завтракать две ученицы, и Ода осталась наедине со своим подносом.

Минут через десять в столовую вошел Макалистер. Он оглядел зал хмурым, немного сонным взглядом, и увидел Николь. Девушка заметила, как преобразилось его лицо, как с него слетела совсем ему не подходящая мрачность и суровость, а глаза зажглись интересом. Мужчина резко поменял курс и собрался подойти к ее столику. Этого ни в коем случае нельзя было допустить!

Генри быстро миновал половину зала, лавируя между столиками и голодными учениками, как вдруг буквально из воздуха перед ним возник шеф-повар Кимура Сората. Столкновения, увы, было не избежать, все это понимали, в том числе и эти двое. Сората только успел чуть уклониться вправо, стремясь спасти поднос с чайными чашками, но Генри оказался не столь ловок, и его окатило горячей сладкой жидкостью. Макалистер угрожающе покраснел.

– Черт возьми, вы что творите?! – сдерживая крик, прорывал он по-английски. Светлосиреневая рубашка пропиталась чаем насквозь и прилипла к телу, отвратительные коричневые подтеки устремились вниз, исчезая за поясом брюк, так же пострадавших от столкновения. Сората склонился в вежливом поклоне:

– Прошу прощения! Но здесь слишком людно, чтобы устраивать забеги, это может быть опасно.

Казалось, все перестали есть, ожидая ответа нового коменданта, а тот, казалось, потерял дар речи.

– Мистер Кимура, вы...

– Генри-кун! Генри-кун, что с вами сделал этот мерзкий тип?

Назвать милейшего и безобиднейшего Сорату мерзким типом мог только один единственный человек во всей Академии, и она уже спешила на выручку с салфеткой в руках. Налетев на остолбеневшего Генри, Асикага Руми принялась с маниакальным рвением промокать его рубашку. Николь, вместе со всей столовой ставшая свидетельницей пикантной сцены, смущенно отвела взгляд, не желая видеть, как учительница литературы буквально таранила Макалистера грудью. Ода бросила недоеденный завтрак и практически бегом покинула зал.

– Николь, – девушка притормозила, едва не вписавшись в парня, преградившего ей дорогу, – мы слышали странный шум. Что случилось?

Сэм Чандлер протянул руку, помогая девушке устоять на ногах, и она, выпрямившись, неловко отпрянула в сторону. Всем была известная репутация бабника и повесы, шлейфом тянувшаяся за улыбчивым загорелым австралийцем. Его друг, Курихара, стоял чуть позади, молчаливый и сосредоточенный, как и всегда. Только Ода открыла рот, чтобы объяснить все, как Сэм перебил ее:

– Отлично выглядишь, Николь. Тебе очень идут платья, я тебе еще не говорил?

Хибики подошел ближе, спасая своим присутствием Николь от обязанности как-то реагировать на комплимент.

– Идем, Сэм, иначе не успеем на тренировку, – он устремил на девушку тяжелый, но вместе с тем лишенный хоть какого-то чувства, взгляд. – Увидимся вечером. Приходи в восьмую комнату.

Странно было слышать приглашение из его уст, но Ода отчего-то обрадовалась. Если Курихара считает, что стоит прийти, значит, планируется что-то действительно интересное. Но прежде нужно было решить одну проблему.

Посещение психолога было обязательной частью обучения в Академии «Дзюсан». В прежней жизни практически каждому из нынешних учеников приходилось проходить через это унижение, кому-то по своей воле, кому-то под давлением родственников. Семья Николь желала дочери только добра, но оно приобретало странные формы, которые Николь долгое время не желала принимать. Не имея в характере должной храбрости для открытого бунтарства, она тем не менее как могла выражала протест, однако сдалась под напором родительской любви, густо замешанной на слезах, истериках матери и тщательно выстроенных доводах отца. Впрочем, если подумать, «Дзюсан» была не таким уж плохим местом, выгодно отличающимся от частных клиник, чьим профилем были подростковые психические расстройства. И психолог здесь был не в пример деликатнее и ненавязчивее, чем те, которых успела повидать Ода за свою жизнь. Беседы с ним если не помогали, то хотя бы позволяли поговорить с кем-то, кто не станет смотреть на тебя искоса... Или вообще просто помолчать, бывало и такое. Сегодня Николь была намерена поговорить о том, что ее волновало. О тех, кто ее волновал.

В это время Генри Макалистер заглянул в педагогический кабинет на втором этаже, неподалеку от памятной аудитории под номером 4. Учительская оказалась просторной комнатой с двумя большими окнами, сквозь которые лился яркий и теплый солнечный свет. Одна из створок была приоткрыта, и ласковый полуденный ветерок играл с тонкой прозрачной занавеской, изящное кружево которой отбрасывало узорчатые тени на простые письменные столы и шкафчики с журналами. Возле одного такого стояла высокая, очень красивая женщина с привлекательными восточными чертами лица, совсем, по мнению британца, на учительницу не похожая, а за соседним столом сидел в непринужденной расслабленной позе светловолосый мужчина с резкими скулами и отвлеченным взглядом по-скандинавски ясных голубых глаз. Заметив Генри, оба преподавателя обернулись к нему.

– Здравствуйте. – Макалистер попробовал изобразить японский поклон, но вышло не слишком похоже. – Я новый комендант мужского общежития. Меня зовут...

– Генри Макалистер. – Мужчина закончил за него скучающим тоном, потянулся и, взглянув на часы, поднялся. – Простите, нет времени, но я живу в соседней от вас комнате, можем как-нибудь поболтать на сон грядущий.

– Хенрик! – Женщина одернула его недовольно. – Идем.

Когда Макалистер остался в учительской один, он быстро огляделся и прикрыл дверь, скрывая себя от посторонних взглядов.

Визит к психологу немного затянулся, и Николь, выжатая собственными переживаниями как лимон, выскользнула в коридор. Незаметно прошла половина дня, а ситуация, утром казавшаяся совершенно безвыходной, легче не стала. Девушка на минуту прижалась лбом к

стене, успокаивая бешено скачущие мысли, и услышала громкие решительные шаги со стороны холла. Ода вскинула голову и встретила взглядом с Генри Макалистером, который замер, точно бы боялся спугнуть ее неосторожным движением. Ода быстро огляделась по сторонам, убедилась, что кроме них в пустом коридоре больше никого нет, и побежала ему навстречу, напроцъ забыв, что хотела вести себя достойно.

– Мистер Макалистер! – Она остановилась в паре шагов от него и немного испуганно сложила руки перед грудью. – Мистер Макалистер, простите, мне так жаль! Мне очень жаль!

Николь склонила голову и опустила плечи, завитки густых русых волос пушистым облаком прикрыли пунцовеющее личико девушки.

– Не за что извиняться, мисс Ода, – голос коменданта прозвучал успокаивающе, почти нежно, отчего Николь еще ниже опустила голову. – Вы все еще хотите со мной поговорить?

– Да! – Девушка выпрямилась, впрочем, все еще избегая смотреть Генри в глаза. – Но не здесь.

– Через полчаса в библиотеке, – предложил он. – Мне нужно вернуть вам стихи.

Ода с готовностью кивнула, и Макалистер тепло улыбнулся, а, проходя мимо, мимоходом тронул за плечо. Николь содрогнулась, как от удара молнии, и с испугом проводила взглядом удаляющуюся спину Генри, обтянутую черной тканью жилетки.

Через полчаса она стояла возле стенда с журналами и теребила в руках завернутую в бумагу тетрадь. Появление Макалистера застало ее врасплох, и девушка не шелохнулась, опасаясь выдать свое волнение.

– Вот ваша книга. – Генри протянул ей томик. – Мне не спалось, и я прочитал несколько стихов.

Николь приняла книгу и вложила ему в ладонь тетрадь.

– Это дневник Юлии, я не стала его читать. Понимаете, она не могла его оставить.

Мужчина нахмурился:

– Давайте пройдем в читальный зал.

Николь пошла за ним и в дверях врезалась в его спину. Ударилась и тут же отскочила.

– Что случилось?

– Он снова здесь.

Чтобы понять, о ком шла речь, Ода заглянула в зал и увидела за одним из столов Кимуру, с удобством расположившегося с книгой и чашкой чая в противовес всем библиотечным правилам. Неяркий свет настольной лампы с зеленым абажуром выхватывал из полумрака смуглое привлекательное лицо с опущенными, чуть подрагивающими длинными ресницами, будто Кимура почти дремал. Приоткрытые губы изредка шевелились, проговаривая вслух прочитанное. От кружки поднимался ароматный пар. Сората отвлекся перевернуть страницу и заметил, что за ним наблюдают. Ода спряталась за спину Генри, и тот, с вызовом вскинув голову, собрался подойти к повару, и едва ли бы из этого вышло что-то хорошее.

– Стойте! – Она схватила мужчину за локоть. – Не надо!

Локоть дернулся, стремясь сбросить пальцы Николь, но она держалась отчаянно, и ее мольба достигла сознания мужчины. Кимура так и не понял, какого скандала избежал, и спокойно продолжил чтение.

В коридоре Генри сдержанно извинился и, взяв ладонь Николь обеими руками, с благодарностью сжал. Забыл, что подобный контакт шел вразрез с японским менталитетом, но Николь взволновало не это, а то, что прикосновение теплых мужских рук заставило ее затаить дыхание. Краска смущения еще долго не сходила со щек, даже когда Макалистер ушел.

На сей раз Николь не ложилась спать, размышляя, что ждало ее в комнате Минако и ее соседки Акеми. Хибики удалось совершенно неосознанно разбудить в ней любопытство,

которое нарастало с каждым пройденным часом. Без десяти минут час Николь накинула теплую кофту – по ночам стены старого здания, казалось, источали холод, а гуляющие по коридорам сквозняки могли привести к простуде – и отправилась на встречу. Этаж был тих, все либо уже спали, либо были приглашены к Минако и тихо, не привлекая внимания комендантши, сидели там. Ода никогда не боялась узких коридоров Академии, хранящих законсервированное во времени мрачное очарование Викторианской эпохи, однако же сейчас с тревогой прислушивалась к звукам собственных шагов. Мягкие тапочки осторожно ступали по тонкой ковровой дорожке густого винного цвета, такого, что казалось, будто пол залит кровью. Николь поежилась, невольно ускоряя шаг, и, стукнув для приличия, вошла в комнату номер восемь.

– Пришла все-таки, – непонятно было, удивилась Минако или расстроилась. А, может, просто констатировала факт. Несмотря на ночной час, она еще не смыла макияж – жирно подведенные черным карандашом и тенями глаза в упор смотрели на Ода, будто выискивая в ней что-то. Дневной наряд кокетливой японской школьницы Минако сменила на кукольное платье черного цвета с пышным кружевным подюбником, рукавами-фонариками и глухим воротом, скототым яркой безвкусной брошью-черепом. «Лолита» поднялась навстречу Николь и торжествующе улыбнулась:

– Теперь все в сборе. Я, Акеми, Сэм, Хибики и ты, Николь. Мы хотим, чтобы ты стала непредвзятым свидетелем проводимого мной спиритического сеанса.

Ода беспомощно оглядела собравшихся и обнаружила, что в комнате только трое. Мальчиков не было.

– А где Кури... – начала она, и с жутким скрежетом одна из декоративных панелей в углу отодвинулась, впуская внутрь припозднившихся парней.

– А вот и мы! – радостно возвестил Сэм и подмигнул девушкам. – Минако, детка, ты бы хоть изредка смахивала там пыль, мы с Хибики еле продрались.

Минако протянула ручку в кружевной перчатке, и Сэм припал к ней губами. Ода не успела отвернуться.

– Привет, Николь, – кивнул Курихара. Девушка кивнула в ответ.

– Давайте поскорее начнем, – подала голос Акеми, хотя раньше за ней не наблюдалось особого пристрастия к оккультным развлечениям. Типичная ботаничка, она всегда была подле Минако, потому что так ее никто не трогал. Соседство устраивало обеих, и как-то так вышло, что они практически подружились, если Минако вообще умела дружить.

Девушки погасили свет и зажгли несколько праздничных подсвечников со свечами, Минако положила на пол спиритическую доску уиджи с начертанными на гладкой лаковой поверхности буквами и цифрами и положила на ее планшетку.

– Садитесь вокруг на колени и возьмитесь за руки, – напутствовала «Лолита». – Когда я скажу, расцепляйте круг и кладите одну руку на планшетку, сильно не давите, чтобы дух мог руководить нашими движениями.

Было похоже, что она искренне верит в то, что говорит, и в то, что собирается делать. Николь послушно села на пол между Хибики и Акеми и с трепетом протянула руки, одну из которых не сильно сжал Курихара, не поворачивая головы в ее сторону. Его пальцы были тонкими и холодными.

– Кого вызывать будем? – не слишком почтительно спросил Сэм, с видимым удовольствием сжимая ручку Минако.

– Я слышала, что в Академии есть призрак девочки, которая умерла здесь давным-давно, когда «Дзюсан» только основали, – рассказала Акеми. – Никто не знает, как ее зовут.

Николь чувствовала дискомфорт от близости Курихары, и вообще все происходящее отдавало дурацким спектаклем. Ода ни на секунду не верила, что у Минако получится вызвать даже самого общительного духа, и, задумавшись, услышала тихий шепот за спиной.

– Юми, – машинально повторила она. – Ее зовут Юми.

Однако Николь услышал только Хибики. Он повернулся, их взгляды встретились, и в глазах парня мелькнуло понимание и одобрение. Ода слабо улыбнулась, но Курихара уже отвернулся.

– Я призову дух, который отзовется на мой зов, – не слишком конкретно объявила Минако. – Приготовьтесь и думайте только об этом.

Она и Акеми прикрыли глаза, а Ода украдкой посматривала на Курихару. После спора с учительницей литературы личность Хибики показалась Николь довольно интересной и, увы, совершенно загадочной.

– Дух, который услышит меня! Дух, который придет на мой зов! Готов ли ты отвечать на мои вопросы?

По знаку Минако все расцепили руки и прикоснулись к планшетке. Николь ни на секунду не поверила, что та шелохнется. Сидела и терпеливо ждала, когда Минако сдастся. И вдруг затылка коснулся холодок, будто кто-то легонько дунул, ероша волосы. Ода вздрогнула от внезапно охватившего ее ужаса, рука дернулась, и вдруг с оглушительным звоном разбилась лампочка в прикроватном торшере. Акеми завизжала, Минако всплеснула руками, переворачивая доску, Сэм с готовностью распахнул объятия, в которые Минако поспешила упасть. Курихара вскочил, потянулся к выключателю, и в этот момент окно распахнулось от сквозняка, и в свисте ветра Николь послышалось ее имя.

– Что здесь происходит, молодые люди?

В мигающем свете коридорной лампы вырисовывался высокий сухопарый силуэт коменданта женского общежития. Она сурово скрестила руки на груди и по очереди оглядела всех участников сеанса. Николь почувствовала себя дурно и прикрыла лицо ладонями.

А в ушах по-прежнему пульсировало тихое шелестящее: «Николь...»

Николь, Николь... Я здесь.

История третья, в которой Кимура узнает, что боится пауков

*Глубокою стариной
Повеяло... Сад возле храма
Засыпан палым листом.*

Мацуо Басё

*Основное назначение всех историй – нести в себе какие-то
жизненные уроки. Но бывают такие истории, главный урок которых
в том, что их лучше совсем не знать.
Акихико Дайске. Мемуары*

Весна уже полностью вступила в свои владения, накрывая остров покрывалом свежих, чуть сладковатых ароматов цветущей вишни, влажной земли и пробуждения. Сорванные ласковыми дуновениями ветерка лепестки, а иногда и целые бутоны сакуры, плавно кружились в воздухе и оседали на плотный ковер из своих собратьев.

Каждый прожитый в Академии «Дзюсан» день был наполнен неспешными хлопотами и умиротворенными часами послеобеденного отдыха. По крайней мере, так было до недавних пор, пока в стенах школы не появился новый комендант мужского общежития Генри Макалистер и не внес в их привычный неспешный быт сумятицу.

Легкий бриз донес до сада солоноватый привкус океана и растрепал тяжелые от богатства соцветий ветви плодовых деревьев. Несколько розовых лоскутков, описав в воздухе незамысловатый узор, осели в пиалу с уже остывшим чаем, нарушив его покой ленивыми кругами.

Молодой мужчина, будто бы дремавший в плетеном кресле под навесом беседки с классически вздернутой японской крышей, подавил зевок и смахнул с колен россыпь лепестков. Его длинные, слегка растрепанные со сна волосы ниспадали на широкие, но несколько хрупкие плечи и грудь. Кимура, а это был он, приподнялся с кресла, неловко переступая на правую ногу, и спустился с невысокого порога беседки, тут же утопая в розовом ковре.

– Сората! Сората! – послышалось из глубины парка, разбитого аккурат позади здания Академии и уходящего вглубь острова, до того места, где глухой высокий забор отделял его от густого непроходимого леса.

Звонкий и оттого режущий слух после сонной тишины голос принадлежал Асикаге Руми, и именно она сейчас спешила в сторону беседки, примыкающей к стене старого особняка. Кимура обреченно вздохнул.

– Что произошло, Асикага-сан? – вкрадчиво поинтересовался он, ловко отступая в сторону, дабы избежать лобового столкновения. Руми, тяжело дыша, согнулась пополам и уперлась ладонями в свои колени.

– Школьники... – выдохнула она, резко распрямляясь. В черных глазах плескался азарт. – Ушли! В лес!

Кимура с недоверием покосился на ее возбужденную улыбку, гадая, была ли это радость от неожиданного события или таким образом выражалось ее беспокойство. Степенный ход его мыслей был прерван грубоватым тычком в плечо.

– Как ушли? – встрепнулся он.

– Через дыру! В заборе! – Руми уже почти пришла в себя и теперь подпрыгивала от нетерпения. – Если этот... – она перешла на заговорщицкий шепот, – Дайске, узнает...

– Ни в коем случае. – Сората схватил со стола резинку и быстро собрал волосы в хвост. – Мы должны их вернуть, пока он не узнал об этом.

Сората крикнул в дверь кухни своим помощникам, чтобы в случае необходимости прикрыли его отсутствие перед замом, достал из одного из ящичков, которыми была оборудована задняя стена беседки, складной нож и фонарик. Зачем ему понадобился последний, взволнованный повар объяснить не мог, но интуиции он привык доверять.

– Мы еще можем догнать их, если поспешим. – Асикага без излишнего смущения схватила за руку и потащила за собой прихрамывающего Кимуру.

«Дыра» на самом деле оказалась узкой щелью отступившего от каркаса профильного металлического листа, отогнув который можно было преспокойно выбраться в лес. Сората на секунду задержался, осмотрев место крепления – содранная краска намекала, что отсутствие нескольких шурупов неслучайно. Место для лазейки подобрано очень удачно, в самом глухом уголке сада, скрытом от парка густыми кустами шиповника.

– Интересно, а вас как сюда занесло, Асикага-сан? – поинтересовался Кимура, отгибая лист и пропуская девушку вперед. Та перепрыгнула через ригель каркаса и жеманно хихикнула.

– Неприлично задавать такие вопросы девушкам.

Сората не стал уточнять, что именно такого неприличного девушка могла делать посреди дня в дальнем конце парка, раз ему не стоит об этом спрашивать, и шмыгнул следом за Асикагой, едва не ударив отпружинившим листом по ногам.

За забором словно расстился другой мир. Тишина нарушалась лишь шелестом свежей зеленой листвы и чириканьем птиц. Земля была укрыта толстым слоем прелых прошлогодних листьев и еловых игл, сквозь которые пробивались длинные стрелы молодой травы.

Косая дорожка перевернутого лиственного ковра и сломанных на уровне человеческого роста сучьев вела в глубь леса. Голосов слышно не было, из чего Кимура заключил, что студенты успели уйти достаточно далеко.

– Ну надо же. – Руми огляделась. – Кто бы мог подумать, что противный Дайске прячет от нас такую красоту. Может, тут и грибы есть? Ты умеешь грибы готовить? Хотя, кого я спрашиваю. – Девушка махнула рукой и поспешила вперед.

Кимура покачал головой, оставляя ее риторические вопросы без ответов. Студентов, куда бы и зачем они ни пошли, следовало вернуть до того, как их отсутствие обнаружит вездесущий замдиректора. Почему-то Сората чувствовал ответственность за судьбу этих авантюристов.

Руми скрылась из вида и спустя несколько минут вынырнула из зарослей с пучком мелких цветов.

– Я нашла земляничную полянку, – похвасталась она, подсовывая под нос мужчине кулак с цветами, в одном из которых Сората распознал молодой кустик земляники. – Я люблю пироги с ягодами. И грибы люблю.

– Вы вообще очень любвеобильны, Асикага-сан. – Кимура улыбнулся одними уголками губ.

– Конечно, – довольно подтвердила Руми. – Живем же один раз, а вокруг столько всего, что нужно полюбить! Кстати, как тебе ваш новый комендант?

Вопрос застал Кимуру врасплох. Вот о ком, а о странном шотландце, успевшем уже неоднократно задеть его, Сората старался не думать. За несколько лет проведенных в стенах академии «Дзюсан», он уже привык к странностям новичков, но Генри оказался особенным. И самой особенной была его необычная манера сталкиваться с поваром в самых разнообразных местах и обстоятельствах. Иногда Кимуре даже казалось, что он специально подка-

рауливал его, чтобы поставить в неловкое положение и наградить парочкой очередных, если не оскорбительных, то точно обидных эпитетов.

А однажды ему вообще хватило наглости заявиться посреди ночи и обвинить невесту в чем.

Сорату отвлек короткий стук в дверь. Бросив взгляд на настольные часы, показывающие без малого четверть первого ночи, он отложил расческу и отворил дверь, едва сдерживаясь от желания захлопнуть ее прямо перед носом коменданта.

– Макалистер-сан? – Кимура настороженным взглядом скользнул по высокой фигуре неожиданного визитера и остановился на его лице, для чего пришлось изрядно запрокинуть голову.

– Мистер Кимура, – в глазах Генри легко читалось смятение, и Сората невольно отступил назад, распознав в его голосе истерические нотки, а напористость, с которой тот вцепился в дверное полотно, просто кричала о его взвинченном состоянии, – п... почему вы преследуете меня? Что вам от меня нужно?

Японец замер, растерянно разжав стискивающие дверную ручку пальцы и приоткрыв рот в тщетных попытках подобрать ответные слова. Рука сама собой потянулась к лицу, убирая еще влажную после купания прядь за ухо, – этот жест всегда выдавал его волнение.

Макалистер неожиданно отшатнулся и залился румянцем.

– И не пытайтесь меня соблазнить! Я... я не куплюсь на эти ваши штучки.

– Что вы себе позволяете? – не выдержал, наконец, Кимура, готовый вот-вот провалиться от стыда сквозь землю и едва сдерживаясь, чтобы не повысить голос – их могли услышать. – Это вы явились ко мне в комнату ночью и утверждаете, что я вас преследую. Может, это мне стоит вас опасаться?

Комендант пошел пунцовыми пятнами, так что Сората вновь испытал желание захлопнуть дверь. Воспользовавшись возникшей паузой, японец потянулся к ручке и уже собирался исполнить задуманное, как Генри воровато обернулся и впихнул его в комнату, поспешно прикрывая дверь.

– Что вы... – Кимура на всякий случай отошел на относительно безопасное расстояние, но Макалистер не позволил ему договорить, прикладывая палец к губам. Из коридора слышались шаги и негромкие голоса, хорошо различимые в ночной тишине.

– А нас точно не заметят?

– Не парься, Хибики. Я слышал, новый комендант тот еще лопух, десятый сон уже видит.

– Мне не нравится эта затея. Идем быстрее.

Генри выглянул в приоткрытую дверь, проводил взглядом удаляющиеся спины двух школьников и обернулся. Кимура не мог сдержать улыбки, ведь он слышал все от первого и до последнего слова и, оказавшись невольным свидетелем этой сцены, ощутил себя ошаманенным за все последние нанесенные ему оскорбления. Еще никто и никогда не называл его трансвеститом, хотя находились люди, считавшие своим долгом сообщить Сорате о его ориентации или других приписываемых ему противоестественных наклонностях.

– Знаете, Макалистер-сан, – заметив, что комендант уже собрался покинуть его комнату, Кимура решил разъяснить, раз уж выдался удобный момент, – мне кажется, я должен вас уведомить, что мужчины меня не привлекают. На случай, если вы снова захотите обвинить меня в чем-то или заглянуть в гости после отбоя.

Генри пулей вылетел в коридор, хлопнув за собой дверью, и не видел, как японец растерянно накручивал на палец длинную черную прядку.

– Занимательная личность, да? – Асикага притормозила, заглядывая в порозовевшее от стесняющего воспоминания лицо Кимуры. – Особенно коленки! Никогда не думала, что мужчины в юбках могут выглядеть так... соблазнительно.

– Асикага-сан, – попытался образумить ее Сората. Его вовсе не интересовали коленки нового работника Академии. Юбка и любые другие части его тела, и гардероба тоже.

– Нет, ну ты только подумай! Кстати, – Кимура содрогнулся, узнав в интонациях ее голоса те самые нотки, отвечающие за новые абсурдные идеи этой непредсказуемой девушки, – тебе юбка бы тоже подошла.

– Давайте как-нибудь обойдемся без этих ваших... фетишей, – с мольбой простонал повар, но Руми хихикнула и снова унеслась куда-то вперед, скрываясь между деревьями. Они шли уже довольно долго, совсем потеряв счет времени. Лес впереди становился все гуще и мрачнее, сквозь плотно сплетенные ветви деревьев почти перестал пробиваться свет. Жухлая листва, более сырая и мягкая чем раньше, лежала впереди нетронутым слоем.

Сората остановился. Холодный неприятный ветерок пробежался вдоль позвоночника – они сбились с пути. Подростки, куда бы они ни подевались, этой дорогой точно не проходили, да и дороги-то тут не было и в помине.

– Асикага-сан, – негромко позвал Кимура, оборачиваясь. Оставленная им самим неровная борозда взбитой листвы пропадала где-то в зарослях молодого клена. Следов Руми не было нигде. – Асикага-сан, – позвал он уже громче, прислушиваясь к своему утопающему в фальшивой мягкости леса голосу, словно со стороны. В голых, едва тронутых зазеленевшими листочками ветвях, тревожно вскрикнула и забила мощными крыльями птица, срываясь в небо. Сверху на мужчину осыпалась пересохшая древесная труха, от которой он инстинктивно прикрылся рукой. Снова все шумы стихли, оставляя лишь звук его сбившегося дыхания. Сората прислонился к дереву, перемещая вес тела на левую, здоровую, ногу и закрыл глаза, прислушиваясь.

Дзы-ынь.

Тревожно, словно кто-то случайно задел струну сямисэна.

– Руми? – Кимуре показалось, что за стволами липы промелькнула и тут же скрылась тень. Он оттолкнулся от дерева, стараясь не спускать взгляда с того места, где только что успел заметить женскую, как был уверен, фигуру. Асикага? Или кто-то из убежавших студентов, заведя взрослого, поспешила спрятаться?

– Асикага-сан, это не самая удачная ваша шутка.

Коварные стебли молодых побегов цеплялись за брючины, обвивались вокруг носка ботинок, норовя уронить незваного гостя. Идти стало тяжелей, словно лес сам пытался его задержать.

Дзы-ынь, дзы-ынь.

Нет, не ослышался.

Черный шелк, блеснув в свете пробившихся солнечных лучей золотой паутиной вышивки, снова мелькнул за ветвями. Словно о камень стукнула подошва гэта.

– Прошу прощения, – попытался окликнуть девушку Сората. То, что это была не Асикага, он понял сразу, но рассмотреть незнакомку никак не удавалось.

Лес закончился неожиданно, деревья точно расступились, открывая небольшую опушку, залитую теплым закатным светом. Под ногами захрустели камни, обломки старого кирпича, бетона и изъеденных жучками и временем бревен. Кимура осмотрелся. На большой поляне, поросшей кустарником и высокой травой, сочно зеленеющей среди мрачных оттенков вечной осени, угадывались очертания длинных как амбары домов, выстроенных будто по линейке. Стен давно уже не было, в самых редких случаях, похожие на могильные кресты, торчали обломки кирпичных печей и дымоходов, подпираемые гибкими стволами молодых осин.

По коже пробежал неприятный холодок, но любопытство пересилило. Сората неловко съехал по куче рассыпающихся камней, едва успев удержаться за торчащий из земли сук сваленного дерева. Усыпанный прелым мусором пол предупреждающе проминался под неуверенными шагами, грозя вот-вот провалиться. Чуть поодаль, с другой стороны ствола, виднелся засыпанный камнями и хворостом квадратный люк. Выглядел он неприятным и опасным, из неуютной черноты тянуло холодом, запахом отсыревшего кирпича и гнилью. Сората хотел обойти его, но что-то, какое-то пагубное любопытство, заставило его передумать. Он попробовал дерево на прочность, аккуратно перевалился через него и заглянул в проем, но тот был почти полностью завален остатками давно просевшего строения. Странное желание отпустило, и, перебравшись через кромку хрупкого от сырости фундамента, Кимура оказался на широкой улице, если просторную и чистую прогалину между рядами жилых когда-то домов можно было так назвать. Солнце почти скрылось за высокой полосой леса, погружая поселение в унылую безликую тень, и лишь единственное уцелевшее здание успевало ловить золотящие лучи крыши высокой остроконечной колокольни с покосившемся шпилем. Сразу повеяло одиночеством и безысходностью, болезненно защемило в груди.

Дзы-ынь!

Кимура вздрогнул, на секунду замер, боясь пошевелиться, будто невидимые веревки крепко оплели его тело, порывисто вздохнул и завертел головой в надежде обнаружить источник звука. Золотая паутинка снова блеснула за широкой разлапистой елью, растущей прямо возле входа в небольшую церквушку, а следом Сората увидел девушку, миниатюрную и хрупкую, как молодое деревце сакуры в японском саду. Он видел ее со спины – черные густые волосы, собранные в высокую прическу, удерживаемую богатым кандзаси с россыпью мелких янтарных цветов, темное, практически черное кимоно с тонким рисунком золотой паутины, широкий оби из красного с желтым шелка. Узкие расслабленные плечики и соблазнительная тонкая шея, классически открытая воротом одежды.

Девушка дернула головкой, мелкие цветочки в волосах покачнулись в такт движению, и сделала первый шаг прочь. Из-под подола показалась маленькая ножка в белых таби и шлепнула пяткой по полированной подошве гэта.

– Постойте же! – крикнул Сората. – Я не желаю ничего плохого.

Незнакомка остановилась, встревоженный вздох сорвался с ее губ и растаял в почти звенящей тишине.

Она медленно обернулась, поднимая на мужчину испуганный взгляд черных, словно бездна, глаз. Гладкое, почти фарфоровое личико и маленькие, сочные, словно вишенки, губы. Она сложила ручки перед собой и низко поклонилась, открывая его взгляду соблазнительные изгибы шеи и обнажившейся до лопаток спины.

У Сораты перехватило дыхание.

– Прошу меня простить, господин, – прозрачный и чистый, будто журчание весеннего ручья, голосок заставил сердце колотиться как сумасшедшее. И снова показалось, что где-то натянулась и с надрывом простонала струна сямисэна. – Я не ожидала здесь встретить кого-то.

– Вы здесь... живете? – вопрос казался ему глупым, бессмысленным. Взгляд завлакивало туманом, мысли путались, запоминая лишь аппетитный, чуть приоткрытый ротик и золотой узор паутины на блестящем черном шелке кимоно. Кимура тряхнул головой.

– Мне одиноко здесь. – Девушка передернула плечиком и отвернулась. – Я осталась совсем одна.

– Как вас зовут?

– Гумо.

– Гумо? – Сората нахмурился, словно силясь вспомнить, где он слышал это имя раньше, но стоящая перед ним красавица была куда интереснее всяких формальностей. Она поманила его за собой и скрылась в тени высокого свода церкви. Ему ничего не оставалось, как шагнуть следом.

Стремящиеся вверх стены, выложенные из камня в отличие от домов за пределами храма, казались крепкими, но деревянные конструкции перекрытия угрожающе нависали над головой. Легкий вечерний ветер, протяжно завывая, блуждал в застенках здания.

Обстановка церкви была удручающе скромной. Когда-то белые стены, теперь покрытые разводами и трещинами, осыпались под гнетом неумолимого времени. Распятие над алтарем, тоже пострадавшее от разрушительной силы природы, едва держалось на крюках, а отдельные его части не сразу угадывались среди осколков штукатурки и камня на полу. Приходские лавки, укрытые от дождя и ветра стенами, еще сохранили свою форму, но вряд ли теперь могли служить по своему назначению.

– Гумо... сан? – позвал Сората. Звук его голоса вознесся к потолку и гулким эхом рассыпался по залу. От сводчатого окна с осколками витражей посыпалась каменная пыль, нарушая тишину храма множеством нарастающих ударов и заполняя собой почти все пространство. Кимура отступил назад, липкий страх окутал тело. Рваные силуэты окон и выросты колонн в плавно надвигающемся полумраке выглядели угрожающе, словно готовились поглотить свою жертву и погрести ее под руинами безымянного храма.

– Не бойся, – убаюкивающий голос прозвучал прямо над ухом, но девушка оказалась далеко впереди, у входа в капеллу.

– Пойдите. – Кимура уверенно шагнул ей навстречу, минуя ряды лавок и лавируя между крупных обломков. Но когда он почти настиг ее, Гумо успела скрыться в остроконечной арке.

Не останавливаясь, он юркнул следом. В ушах засвистел ветер, в глазах мгновенно потемнело, и Сората рухнул вниз, сдирая кожу на ладонях о битые камни. Вокруг было темно, и глаза далеко не сразу привыкли к отсутствию света. Сверху, там, откуда он свалился, едва угадывались очертания высокого окна. Затхлый застоявшийся воздух хлынул в легкие, вызывая приступ лихорадочного кашля. И больше ничего. Кимура поднялся на ноги, болезненно присвистывая сквозь зубы от боли при попытке отряхнуть руки. Ничто не выдавало присутствия другого человека, но мужчина не сразу понял, что именно вызывало в нем смутное беспокойство. Он сделал шаг, споткнулся о камень, едва не упав, и только тогда вспомнил про фонарик в кармане куртки.

Блеклая полоска рассеянного света выхватила из темноты каменные своды подвала, едва ли не превосходящего по своему размеру главную залу храма. Тот, кто строил церковь, ценил ограниченное островное пространство и отвел подземелье для каких-то важных целей, но теперь вряд ли было суждено узнать, каких. Груда камня, с которой скатился Сората, когда-то служила лестницей, теперь же возвышалась шаткой непреодолимой преградой. Широкие колонны, тянущиеся под купол потолка, были оснащены держателями для факелов, вдоль коридора в ряд высились широкие пустые постаменты, упирающиеся в альмарию во всю стену. На тумбе перед шкафом, отсыревшие от времени, покрытые толстым слоем кирпичной пыли и паутины, но еще целые, лежали книги, окруженные баночками и чем-то еще, в чем Сората не без труда опознал письменные принадлежности. Таинственный дух старины, вместе с запахом земли и прелости, породил желание прикоснуться к этой истории, стать ее частью. Он положил на стол фонарик и взял в руки раскрытый переплет, смахнул с листов мусор. Выбранная книжка была небольшая, чуть меньше привычной тетради. Сората попытался подставить ее под свет, но все равно не смог ничего разобрать, поэтому с минуту подумав, спрятал томик во внутренний карман куртки.

Зябкий сквознячок пощекотал шею, и Сората неосознанно обернулся. Таинственная, постоянно пропадающая из вида девушка стояла позади него и ласково улыбалась, насколько

можно было судить об этом в тусклом свете карманного фонарика, а тот лежал на гранитной столешнице. Ее черные глаза блестели, словно тысячи звездочек мерцали на чистом безоблачном небе, и от них нереально было оторвать взгляда.

– Когда-то здесь собирались хоронить господ. – Гумо положила ладонь ему на плечо, скользящим движением провела по руке, и Сората ощутил, как леденеет под ее прикосновением кожа.

– Кто вы? – Воспитание не позволяло сбросить ее руку, уже ласкающую шею за ухом и обводящую четкий контур подбородка. В груди надрывалась тревога, но он словно не слышал ее. Теплая волна томительной истомы внизу живота глушила все предостережения, и он потянулся вслед прикосновению.

– Разве это важно? – Девушка поднялась на носочках, обжигая его губы дыханием. Кимура затих, закрывая глаза в немом ожидании. – Я расскажу вам историю этого места. Идемте со мной.

Она взяла его за руку. Холодная сухая ладонь потянула его за собой, и ставшее неожиданно безвольным тело послушно приняло приглашение. Фонарик так и остался на тумбе.

Гумо провела его под низкой аркой и вывела в небольшое помещение, словно специально отделенное от остальных. Холодные пальцы выпустили его влажную от волнения ладонь, и он так и остался стоять на месте, где девушка его покинула.

– Однажды они высадились на эту землю и привезли своих людей, свою веру, свои порядки, – приятный голос Гумо окутывал Кимуру, усыпляя и погружая почти в небытие. Тихий шорох шелка и шлепанье гэта словно отдалились от него, и тонкая полоска едва уловимо блеснула впереди. Знакомый звук сямисэна предупреждающе всхлипнул, Сората сквозь пелену забытья ощутил тонкие острые нити на своих запястьях и шее, но даже это не пробудило его. – Они отстроили храм и этот склеп, но так и не смогли никого похоронить.

В тягучем тембре ее голоса, уже не такого сладкого, как раньше, послышалась улыбка. Она снова щипнула струну, и новое лезвие резануло Кимуру по рукам и ногам, приковывая к стене. Он открыл глаза, всматриваясь перед собой, но только отблеск струн и шелка выдавал ее присутствие. Тонкая, словно волос, нить впивалась в шею, вынуждая мужчину задирать голову выше, но он уже чувствовал, как по коже ключиц и запястий поползли липкие полоски крови.

Дзы-ынь.

Все больше и больше нитей опутывали его, обхватывая талию, обвивая ноги и руки, плотнее приковывая к холодной неровной поверхности стены.

– Ты вкусно пахнешь, – послышался совсем рядом хищный голос, и Сората похолодел, осознавая смысл ее слов. – Не в пример вкуснее тех.

Он прищурился, мутный силуэт девушки приобрел более четкие очертания. Гумо неестественно изогнула шею, до хруста, и Сората невольно вжался плотнее в стену.

– Что за черт? – только и смог вымолвить он. Пелена дурмана почти слетела с него, но какой теперь с этого толк, если он был плотно опутан острой липкой паутиной. И сразу вспомнилось, откуда он слышал ее имя. Как бы в подтверждение этих мыслей девушка сдавленно прохрипела, голос ее разбился на множество других, словно сквозь призму, и выпустила в сторону длинные лапы, увенчанные острыми жалами.

Кимура закричал.

Впервые за всю сознательную жизнь, выплескивая наружу все скопившееся за последние годы и скрепленное страхом неминуемой смерти, отчаяние. Национальная сдержанность и традиционное воспитание всегда требовали постоянного контроля над собой, но не теперь, в склепе под храмом в самом центре глухого леса, где кроме него и этой твари больше никого не могло быть.

Мягкие, словно живые, волоски пробежались по щеке. От его отчаянного вопля паучиха дернулась, нервно всаживая в плечо острое копьё жала. Щиплющая боль пронзила руку, сознание поплыло. Из последних сил Сората дернулся, то ли желая вырваться из липкого плена, то ли борясь со страхом и болью.

Осознание того, что кошмар неожиданно закончился, пришло не сразу. Тусклый фонарик нарисовал перед ним красивое лицо Гумо, все те же аппетитные губки-вишенки, растрепавшиеся из прически густые волосы, узкие бледные плечи с тонкими руками и обнажившую грудь, плавно переходящую в мохнатое круглое пузо на восьми массивных лохматых лапах. Позади напряженно взвизгнула и лопнула струна сямисэна, чудовище разъяренно взвыло, запрокидываясь назад, и развернулось к Сорате огромной черной спиной.

– Не тронь! – множество разнотонных голосов, давно не принадлежащих девушке, рассыпалось по склепу, а в ответ снова лопнула струна, видимо доставляя Гумо не самые приятные ощущения. Инструмент был чем-то важным для нее, и паучиха стремилась защитить его любой ценой и расквитаться с противником, посмеявшимся покуситься на святое.

Кимуре показалось, что стискивающие его оковы ослабли, но все же оставались слишком крепкими, чтобы выбраться из них самостоятельно. Он ничего не мог сделать, только всматриваться в густую темноту, рассеченную совсем слабым светом фонарика. Блеснуло лезвие и последняя, третья, струна со стоном лопнула. Нечеловеческий крик прокатился под сводами подземелья. Огромная тень угрожающе пошатнулась, снова мелькнула сталь, и к ногам Кимуры тяжело упало тело паучихи, подняв клубы столетней пыли.

Сората зажмурился. Чувство опасности отступило, остался страх, боль и жжение в раненом плече. Ему было почти все равно, вместе с последним криком ушли все оставшиеся силы. Спаситель подошел, небрежно пытаясь отпихнуть массивное тело ногой в сторону, и заглянул в лицо смертельно бледного японца.

– Макалистер?

Комендант протянул вверх руку, видимо желая освободить Кимуру из плена режущих пут, но тут же отдернул ее, ругнувшись, и поднес большой палец к губам.

– Это еще что за черт? – пробормотал он раздраженно.

– Паутина.

– Пау... что?

– Паутина, – повторил Сората, но уже по-английски. Вряд ли это слово было в обыденном англо-японском разговорнике Макалистера. Лицо британца дрогнуло, словно он вспомнил тот неприятный момент, когда огромная тварь тянула к нему свои мохнатые лапы. Он поспешно достал нож и перерезал нити, подхватывая обессиленного японца – ноги Сораты, достигнув опоры неожиданно подкосились.

Справившись со всеми веревками, Макалистер подставил Кимуре спину, и последний, скрепя сердце, принял помощь. Появление коменданта из ниоткуда стало почти обыденностью и не удивило его даже сейчас, когда он был на волосок от смерти.

– Какой черт вас сюда занес, мистер Кимура?

Сората тяжело вдохнул едва уловимый аромат свежeweымытых волос и мыла, приносящий долгожданное ощущение уюта и безопасности. Он сдавленно всхлипнул, что вышло совершенно случайно, и оказался на ногах с другого конца храма, а не с парадного входа, через который попал внутрь. Ночь почти вступила в свои права, и воздух, наполненный приятными свежими запахами, был холодным и освежающим.

– Мы с Асикагой пошли за студентами, – сил препираться не было, к тому же, хотя не хотелось это признавать, он был обязан Макалистеру своим спасением.

Покалывающее беспокойство заставило японца насторожиться, но внутреннее чутье подсказывало, что все в порядке.

– Асикагой? – казалось, комендант думал о чем-то своем, совсем отстраненном. – Я видел ее пару часов назад, – тон Генри намекал, что тот ни на мгновение не поверил его словам. – Идемте, пока никто нас не хватился.

Он подхватил пошатывающегося от бессилия и усталости Сорату под локоть и неспешно повел через лес. Как бы японец ни старался, ноги подкашивались, а темнота перед глазами расплывалась цветными кругами. Жгло плечо. Макалистеру временами приходилось перехватывать падающего мужчину и останавливаться, давая тому отдышаться, пока не заметил его безжизненные глаза.

– Вы вообще едите, мистер Кимура? – ставя Сорату в очередной раз на ноги, с легким раздражением, природа которого была японцу не понятна, поинтересовался комендант.

– Почему вы спрашиваете?

– Девушки вашей комплекции весят больше.

Если бы не темнота, Генри смог бы увидеть, как покраснело от возмущения лицо Кимуры, определенно не оценившего его тонкий британский юмор.

– Прекратите уже сравнивать меня с девушкой!

– А с кем мне еще вас сравнивать, если вы ведете себя как истеричная девица? – фыркнул Макалистер. – Слышали бы, как вы визжали.

– Это нормальная человеческая реакция на огромного паука, который пытается тебя сожрать, – сквозь зубы прошипел Сората. – А вот ваше спокойствие настораживает. Вы сами-то что забыли... там?

Он замялся, не зная, какую характеристику подобрать тому месту, где волей случая оказался. Там когда-то кто-то жил или должен был жить. Гумо сказала, что они не успели. Бр-р-р. Кимура замотал головой, ощущая неожиданный прилив сил.

– Если вас хватает на то, чтобы препираться, значит, жить будете.

Об их существовании будто давно забыли – японская половина и двор перед кухней были пусты, лишь бодрое мурлыканье садовника под аккомпанемент шуршащих в траве кузнечиков слышалось из западной части сада. Небольшой навес и месяцеподобная крыша беседки освещались высоким фасадным фонарем, мерцающим от множества мельтешащих мотыльков.

Парочка воровато огляделась и остановилась возле высокого деревянного настила беседки, шедшего почти вровень с порожком входа. Как и ожидалось, кухня давно была закрыта, но обходить Академию и попасть под бдительное око камер видеонаблюдения не хотели оба. С легким пренебрежением Генри помог японцу принять устойчивое положение, и Сората в полной мере осознал свое унижительное положение.

Тяжелые мокрые рукава куртки мешали двигаться, картонно шелкая при движениях, и, несмотря на ночную прохладу, порождали желание избавиться от этого груза. Из ящичка в стене Кимура извлек ключ и сосредоточенно повертел его в липких руках. Стараясь устоять на ватных ногах, словно пьяный, он снял куртку, аккуратно свернул ее и бросил в один из нижних ящичков. Ключ он вытер тут же найденной салфеткой и протянул Генри.

Яркий свет люминесцентных ламп, вспыхнувших под потолком, ослепил мужчин до цветных пятен перед глазами. Едва заметный шум светильников вытеснил навязчивое стрекотание сверчков, преследовавшее нарушителей весь обратный путь до особняка. Даже Сорате, привыкшему спать с открытым окном, казалось, что он никогда не сможет избавиться от этого навязчивого звука в голове.

Первое, что сделал Кимура, оказавшись в родной стихии, – метнулся к одной из моек, спеша смыть с рук вязкую кровь. Позади нерешительно переминался с ноги на ногу комендант.

– Спасибо, Макалистер-сан, за помощь, – наконец, сумел выдавить Сората и неуверенно развернулся к своему спасителю. Тот был необычно бледен и смотрел на повара как на приведение. – Думаю, вы уже достаточно для меня сделали, не стоит больше рисковать...

Генри не дал ему договорить и, импульсивно раскинув руки, воскликнул, правда, тут же переходя на плюющийся шепот:

– Да вы себя со стороны вообще видели?

Только теперь Сората посмотрел на себя: на некогда светлой дорожкой одежде багровели отвратительные пятна. Он вздрогнул, понимая, как жалко выглядел со стороны, словно до этого упорно пытался закрыть глаза на нелицеприятную правду. И именно жалость он видел сейчас в глазах Макалистера.

– Медпункт как раз напротив, идемте, я перевяжу раны, а потом катитесь ко всем чертам со своими благодарностями.

У Сораты не нашлось сил, чтобы разозлиться. От теплого, чуть застоявшегося в помещении воздуха кружилась голова, к горлу иногда подкатывала тошнота, оставляя в пересохшем рту неприятную кислую горечь. Левая рука болталась плетью и в месте укуса будто онемела.

Медпункт был одним из тех помещений, которые не закрывались на ночь. Кимура временами наведывался туда по ночам за анальгетиками, особенно в дни непогоды, когда травмированную ногу буквально сводило от боли. Они плотнее притворили дверь, чтобы не привлечь чьего-либо внимания шумом.

Макалистер усадил Сорату на кушетку и сам осмотрелся. От повара, пытающегося сохранить остатки сознания и оттого сильнее всматривающегося в действия коменданта, не ускользнула его собранность и целенаправленность, с которыми тот изучал содержимое шкафчиков и полок. На стол перед Кимурой в ряд выстроились пузырьки, мотки бинтов, ваты и пластырей. Японец запрокинул голову, ловя в отблеске стекла одного из шкафов свое отражение – почти фиолетовые круги под глазами, побледневшая кожа и растрепавшиеся в хвосте пыльные волосы.

Генри с деловым видом открутил пробку с одного из пузырьков и, аккуратно схватив Сорату за запястье, подтащил к рукомойнику и плеснул жидкость прямо на порезы. Кимура порывисто втянул сквозь стиснутые зубы воздух и зажмурился. Из-под густых ресниц блеснула влага.

– Вы весьма деликатны, – хриплым шепотом пробормотал Сората, со страдальческой брезгливостью наблюдая, как пенится на его руках перекись водорода. Порезы оказались на удивление тонкими, как волосы, и неглубокими, но их было много, они пересекались и находили друг на друга, занимая почти половину предплечья. Такие же полосы были и на шее. Остановив кровь, Макалистер наложил бинты и скептически осмотрел своего «пациента».

– У меня нет желания с вами церемониться. Рубашку снимайте, – скомандовал Генри.

Он наклонился и потеревил тяжелую от крови штанину. Кимура послушно расстегнул льняную рубашку с коротким рукавом и попытался скинуть с онемевшего плеча. Разорванная в месте укуса ткань прилипла к коже.

– Неслабо же вам досталось. – Генри, казалось, хотел отвлечь Кимуру от болезненных ощущений, но Сората неожиданно почувствовал, что в этом нет никакой необходимости. Рану чем-то обработали и заклеили специальным пластырем, после чего комендант сунул японцу в руку таблетку и стакан воды. – Выпейте.

– Что это? – поинтересовался Сората, но покорно проглотил лекарство.

– Аспирин. Это самое большее, чем я могу вам помочь. Если будет хуже, придется обратиться к врачу. А теперь давайте я посмотрю ноги.

По настоянию коменданта Сората закатал брючины выше колен, инстинктивно задвигая правую ногу под кушетку, в тень. Низ штанин порезан на лоскуты, держащиеся между собой лишь благодаря остаткам клейкой паутины и крови. Уже привычные ниточки порезов полосовали щиколотки и голень, и их обработка не заняла много времени. Но Генри задержал взгляд на правой ноге чуть дольше необходимого и с неверящим видом погладил небольшой круглый шрам. И только деликатное покашливание японца заставило его, наконец, отпрянуть от его ног.

– Вот, выпьете еще таблетку утром и в обед, на всякий случай. – Генри оторвал от блистера несколько ячеек, потом подумал и вложил в руки японца вместе с несколькими батончиками в шуршащих пакетиках. – Это поможет быстрее восстановиться.

– Благодарю.

За ночь Кимура так и не смог сомкнуть глаз. Стоило только тяжелым от усталости векам опуститься, как в мыслях тут же вырисовывался яркий образ заброшенного склепа и огромной паучины, возвышающейся над его головой. Вспоминалась красавица Гумо, щеко-чущая своим горячим дыханием его жаждущие поцелуя губы, и следом накрывало чувство отвращения, перемешивающееся со вкусом меда во рту.

Мелкая дрожь от холода, усталости и нехватки сна пробирала тело штормовыми волнами, то накатывая, доводя почти до бессознательного состояния, то отпуская на несколько минут, даря короткую и оттого мучительную иллюзию покоя.

Промаявшись практически до самого утра, Сората поднялся, оделся в непривычную для него глухую водолазку с длинным рукавом и отправился на кухню. Изможденный организм сопротивлялся, но все же мужчина сумел пройти по местам их блужданий и проверить наличие следов, которые они могли по неосторожности оставить.

В восемь утра, он по привычному своему порядку с подносом в руках постучался в кабинет Акихико, дождался ответа из-за двери и вошел.

– Что с вами, Кимура-сан? – поинтересовался зам, изучая своего подчиненного проницательным взглядом, свойственным только Акихико Дайске. Даже Сората, сумевший расположить к себе каждого обитателя Академии и находящийся у заместителя в числе доверительных лиц, чувствовал себя словно под холодным пронизывающим дождем. – Вы выглядите неважно. Никак простудились? Ночи еще холодные, стоит быть аккуратнее.

От его медового заботливого голоса по телу Кимуры пробежали мурашки. Он едва не опрокинул поднос, прежде чем поставил на стол перед Дайске кофе и тарелку с джемом и тостами. От острого желания спрятать свой взгляд заслезились глаза.

– Вы правы, Акихико-сама. – Повар качнул головой в знак согласия.

– Что это у вас? – Сората дернулся, проследил за взглядом Дайске и нервно вскинул руку. – Кажется, паутинка прилипла. А, нет, показалось. Извините, похоже, я напугал вас, Кимура-сан. Бойтесь пауков?

Сората помотал головой, чувствуя, как слова застревают в горле, будто сопротивляясь. Давящее, и оттого гнетущее чувство превосходства окутало тело, почти так же, как гипноз Гумо. Замдиректора поднялся со своего места и положил ладонь Кимуре на плечо. Ткань рабочей формы натянулась, немного приоткрывая перебинтованную шею, и Сората остался уверен, что от Дайске это совсем не ускользнуло. Словно убедившись в каких-то своих домыслах, Акихико улыбнулся и одобряющее похлопал по плечу. Повязка на месте укуса зашуршала.

– Отдохните сегодня после завтрака, Кимура-сан.

Вежливо раскланявшись, Сората поспешил покинуть кабинет замдиректора самым спокойным образом, но стоило ему оказаться в коридоре, как он прильнул к стене и, жмурясь от боли, стиснул раненное накануне плечо. Ему стоило огромных усилий скрыть ту боль,

которую Акихико, наверняка, намеренно ему причинил, недаром говорили, что замдиректора знает все.

«Лорд Малберри, таинственный и богатый покровитель Дикрайна, по какой-то причине был заинтересован в продолжении исследований энергии Ди и предложил опальному ученому сотрудничество. Взамен лорд обещал предоставить оборудование, помещение и компетентных людей.

Конечно, нас крайне заинтересовало это обстоятельство, ибо от доктора Дикрайна и результата его работы зависело в том числе и наше будущее, будущее отверженных и никому не нужных людей. Мы приложили усилия, чтобы все выяснить, однако о деятельности доктора не было известно довольно долгое время. И вот, наконец, удача улыбнулась и нам.

Новым прибежищем Дикрайна стал засекреченный остров в Тихом Океане, восточнее Японии, не отмеченный ни на одной карте. Синтар испокон веков принадлежал Японскому архипелагу, хоть и находился чуть поодаль основного скопления островов.

Несмотря на недостаток земель, он никогда толком не заселялся: жители архипелага считали, что на Синтаре обитает нечистая сила. На соседних островах до сих пор верят в жуткие легенды об этом месте.

Прежде чем предпринимать какие-либо действия, мы с братьями вплотную занялись сбором информации и, не стыжусь этого признать, то, что мы выяснили, было поистине пугающим.

Британцы заинтересовались островом в 1875 году с подачи какого-то аристократа. Он нашел упоминания Синтара, уже тогда не отмечавшегося на картах, в старинных книгах, вывезенных из Японии в XVI–XVII веках.

Япония, являясь торговым партнером Англии, согласилась продать проклятый остров и разрешила организовать там колонию, тем самым заручившись поддержкой индустриальных партнеров, и в 1877 году были подписаны официальные бумаги, подтверждающие право владения островом. За несколько лет колония разрослась, и страшную легенду о нечистой силе, так пугающую жителей архипелага на протяжении многих веков, почти удалось опровергнуть. Однако не успел новый владелец перевезти свою семью на остров, как тут же начали фиксироваться случаи сумасшествия, пропажи людей и другие необъяснимые явления. Испуганные японцы, получив сигналы бедствия, максимально отрезали остров от внешнего мира, запретив ввоз и вывоз как продуктов, так и людей с острова, объявив свое решение эпидемией смертельной болезни.

Объявив карантин, японцы блокировали остров. Большие эта колония в документах не упоминалась...»

История четвертая, в которой Генри и Сората играют в детектива и подозреваемого

*Будь внимательным!
Цветы пастушьей сумки
На тебя глядят.*

Мацуо Басё

*Контроль есть основа всякого управления.
Взявший на себя бремя власти, должен уподобиться пауку – везде
иметь глаза и руки, оставаясь в тени.
Если вы не видите меня, это вовсе не означает, что я не вижу
вас.
Акихико Дайске. Мемуары*

Полумрак читального зала искусственно создавался тяжелыми бархатными шторами, из-за которых в помещение не проникал ни единый солнечный лучик. Плюшевая ткань создавала иллюзию легкого, едва уловимого запаха пыли, неотделимого от аромата старых, не раз читанных книг. На столах горели лампы с зелеными абажурами, направляющими поток электрического света ровно на книжные страницы, отчего узкие проходы между столами погружались в более густую темноту, чем она была на самом деле. Стеллажи с книгами и журналами жались к стенам, отблескивая стеклом дверок, несколько шкафов выстроились в ряд в задней части зала, отгораживая пространство для индивидуальных занятий, скрытое от чужих глаз. Именно туда Кимура Сората привел Генри на первое их совместное занятие японским языком.

– Будьте внимательны, Макалистер-сан. – Кимура возвышался над сидящим за столом британцем. – Смотрите на мое лицо. И не делайте такой мученический вид.

Генри постарался быть благоразумным и вести себя как подобает сотруднику серьезного образовательного учреждения, однако Сората, казалось, специально избрал такой стиль преподавания, чтобы как можно сильнее унижить и разозлить своего ученика, благо для этого даже стараться особенно не надо было. Тем более что голова британца была забита отнюдь не практикумом по японскому языку, а сведениями, почерпнутыми из дневника Юлии Шульц. Сам по себе он не нес особой информации, но последние записи были вполне оптимистичными и полными планов на ближайшее будущее. Будущее, связанное с пребыванием в Академии. Ни слова об отъезде, недомогании или депрессии. Одним словом, ничего, что указало бы на причину такого внезапного отбытия с острова. Николь что-то подозревала, но была довольно крепким орешком, чтобы расколоться сразу. Стоило поговорить с теми двумя мальчиками – Сэмом и Хибики. Чандлер кажется человеком, который дружит со всеми.

– Макалистер-сан, – голос Кимуры отвлек его, – вы собираетесь меня игнорировать или все же соизволите поднять глаза?

– Зачем мне на вас смотреть? – недружелюбно пробурчал Генри, упорно опуская лицо в конспект. Завел он его скорее не из надобности, а по привычке, оставшейся еще с юных лет пребывания на должности младшего констебля самого захудалого и скучного района Лондона.

– Затем, что мы взяли за произношение, а не за грамматику, – терпеливо разъяснил Кимура. – Впредь на занятиях говорите только по-японски, – он не без любопытства заглянул в тетрадь Макалистера, и тот проворно прикрыл листы рукой, – и пишите тоже.

– Я не понял, – честно признался Генри и с опаской покосился на повара, впрочем, узрев только его живот, ибо выше голову упрямо поднимать не хотел. Сам не знал, к чему это детское упрямство, но сам факт существования Кимуры и его пребывания в непосредственной близости невероятно раздражал британца.

– Я догадался, – не сдержался Сората от колкости. – Потому что не смотрите на меня.

Он склонился к столу, оказавшись лицом к лицу с растерявшимся мужчиной:

– Слоги с буквой «х» произносятся легко, с придыханием, представьте, что разговариваете с любимой девушкой, – произнес Кимура, буравя Генри немигающим взглядом карих глаз. – У вас же наверняка когда-нибудь была любимая девушка. Расслабьтесь и повторяйте за мной. Хикару, Хоцуин, Хирато, ну же, смелее.

Генри пересилил себя и внимательно всмотрелся в то, как двигаются губы Сораты. Действительно, так оказалось проще понять.

– Хибики, – внезапно выдал он, и Кимура одобрительно покачал головой:

– Уже лучше.

– Курихара Хибики, – повторил Генри, наблюдая за реакцией. – У меня есть подозрения, что он со своим товарищем в неурочное время посещает женскую половину. Вы что-то об этом знаете?

Если Кимура и удивился, то виду не подал:

– Вы комендант, а не я. Мне ни к чему следить за учениками.

– Вы плохо спите и могли что-то слышать или видеть.

Глаза повара на мгновение выдали что-то похожее на испуг:

– С чего вы взяли? Следите за мной?

– Еще чего! – Макалистер не слишком почтительно фыркнул. – Все и без того ясно. Я минимум дважды встречал вас после полуночи без единого сна в глазу, вы предпочитаете принимать душ ближе к двенадцати и после этого отправляетесь на кухню. При этом встаете раньше всех и выглядите при этом как привидение.

– Сна ни в одном глазу.

– Что?

Сората ровно повторил:

– Сна ни в одном глазу. Так, как выразились вы, не говорят. И нет, я ничего не видел и не слышал.

Сората отодвинулся и с отстраненным видом присел на стул. Генри понял, что пока не имеет смысла давить на него, хотя было совершенно ясно, что японец лукавил. Они оба слышали, как переговаривались ученики, спешащие из мужского крыла в женское, и лишь нежелание Генри объяснять свой поздний визит к Кимуре помешало ему взять их с поличным. Тут Макалистер невесело усмехнулся, напоминая себе, что давно перестал быть стражем правопорядка, хотя роль коменданта в чем-то имела схожие черты. Кимура молчал, и Генри вдруг подумалось, что происшествие в брошенном поселении странным образом видоизменило их отношения, с одной стороны, еще больше отдалив друг от друга стеной невысказанных слов, а с другой – дало им шанс хоть как-то примириться с помощью общей тайны. Ни то, ни другое не подействовало в полной мере, а получившийся коктейль был густо сдобрен подозрениями и сомнениями. Едва ли это способствовало продуктивным урокам. Генри опустил глаза в конспект и вспомнил, как два дня назад оказался втянут в действительно странную историю, которая теперь крепкой нитью привязывала его к Кимуре...

В тот вечер Генри неторопливо готовился ко сну. Переживания, вымотавшие бри-танцу нервы, медленно оседали на дно сознания, придавленные усталостью и накатываю-щими волнами приятной дремоты. Генри оставил гореть только лампу на столе, подошел к окну и, прежде чем задернуть ночные шторы, выглянул наружу. Парк купался в слабом лунном сиянии, приглушенном перистыми темными облаками, и вызывал в душе мужчины досадное чувство тревоги. Генри резко задернул шторы и несколько долгих секунд смот-рел на свою гротескно вытянутую тень. Вытянул руку, преграждая путь свету, и в тем-ноте, прежде чем ладонь до боли нагрелась о раскаленный абажур, явственно почувствовал чужое присутствие. Оно холодило затылок, будто кто-то забыл закрыть дверцу моро-зилки. Макалистер обернулся.

Она стояла в дверях, неподвижная и воздушная, как изображение в проекторе. Каза-лось, сквозь девичий силуэт можно было легко шагнуть за порог, как сквозь туманную дымку. И Генри был уверен, что это возможно.

– Привет, – не делая резких движений, поздоровался он. Неестественно меловое лицо девочки не дрогнуло, как и сжатые в трагическую линию бесцветные губы. Единственные цветные пятна – черные, распушенные по полупрозрачной спине волосы и следы под застыв-шими расширенными раскосыми глазами и на щеках, будто по ним постоянно текла густая и вязкая черная кровь. Ею же был испачкан подол белой ночной сорочки на бретелях, открывающих взглядам острые синюшные плечики и тонкие веточки опущенных рук. Первый при-зрак Академии «Дзюсан», который выглядел как настоящий призрак.

– О чем вы думаете? – услышал Генри вопрос и, вскинувшись, увидел сложенные на столе руки Сораты. Длинные рукава черной водолазки чуть задрались, показывая перетяну-тые бинтами запястья. Второй день Кимура изменяет своему стилю, пряча кровоточащие шрамы под темной закрытой одеждой. Отчего-то Генри казалось, что это настолько идет вразрез с натурой этого человека, что почти физически причиняет ему боль. Мотнув голо-вой, британец постарался прогнать посторонние мысли, однако они навязчиво лезли, посы-лая яркие воспоминания той ночи...

– Что тебе нужно? – спросил Генри. Ему было не привыкать общаться с не нашед-шими покой душами, и этот, пришедший в его комнату за полчаса до полуночи, был просто одним из многих. Кто-то из них умер так недавно, что его можно было спутать с живыми, кто-то блуждал по миру, теряя голос и все больше истончаясь, как бы стираясь с пленки жизни. Кто-то из них затерялся в мире людей так много лет, десятилетий или даже веков назад, что становился чем-то иным, едва ли помнящим, кем был раньше. Генри слышал и видел их всех, знал, каковы на ощупь их призрачные прикосновения, отличал простой сквоз-няк от леденящего присутствия страдающей души. Да, Генри уже очень давно понял, что все они так или иначе страдают, каждая по-своему.

Юная японка молча подняла руку и указала на дверь. Ее мертвый пугающий взгляд наполнился черными слезами, и Генри видел, как они сплошным жутким потоком стекают вниз, срываясь на пол и собираются в маслянистую вязкую лужицу под ее босыми ступ-нями. Схватив со стула спортивную куртку, он повернулся к призраку, но заметил, что она исчезла. И вместе с ней пропала тяжесть, давящая на грудь. Осознав это, Генри с удивле-нием понял, что это был страх. Впервые за много лет он испугался того, кого с детства мечтал утешать и поддерживать.

– Макалистер-сан?

Голос Сораты доносился как сквозь плотную вату. Макалистер опустил ресницы всего на секунду, упрямо цепляясь за авторучку, как за соломинку, удерживающую его от сна. Но это был не сон, а воспоминания.

След привел его в библиотеку. Просторное помещение читального зала было окутано тьмой, и свет фонарика пришелся как раз кстати. Когда-то давно здесь, возможно, проводили вечера за чтением степенные викторианские джентльмены, сейчас о тех временах напоминал лишь оставшийся после перепланировки античный камин из белого мрамора. Генри не припоминал, чтобы его хоть раз использовали по назначению, но воля призрака с невероятной силой влекла его к нему. Внутренняя стенка была грязной, пыльной, но кроме этого она была разделена надвое довольно широкой щелью, надавив на края которой, Макалистер открыл для себя тайный ход, откуда ощутимо тянуло сыростью, землей, мышинным пометом, но еще больше – густой тревогой и страхом.

Генри поудобнее перехватил фонарик и нырнул в лаз.

Макалистер устало провел ладонью по лицу, зарылся пальцами в волосы, ероша торчащую вверх челку.

– Давайте продолжим, мистер Кимура, – попросил он, но японец откинулся на спинку стула.

– Вы странно себя ведете, Макалистер-сан, – протянул он и покачал головой. – Пожалуй, на сегодня хватит.

Генри посмотрел на него и вздрогнул от неожиданности.

– Что? – Сората нервно подобрался. – Вы будто призрака увидели.

Генри улыбнулся призрачной девочке с полными черных слез глазами, замершей за левым плечом повара. Кимура излишне быстро обернулся, но, вполне естественно, никого не увидел. Макалистер почувствовал себя отомщенным:

– Что-то вроде того. Не бойтесь, она совершенно безобидна.

Сората рывком поднялся на ноги:

– Мне не нравятся подобные шутки. Считаю урок оконченным. Всего хорошего, Макалистер-сан.

– Подождите, – остановил его Генри. – Если вы так нервничаете из-за той паучихи...

– Я не хочу!.. – излишне громко начал Кимура и тут же, успокоившись, спокойно закончил: – ...об этом говорить. Еще раз, всего хорошего, Макалистер-сан.

Девочка бесшумно исчезла, и Сората, так ничего и не ощутивший, первым покинул читальный зал.

Первая неделя в Академии «Дзюсан» не принесла ощутимых результатов в деле, ради которого Генри прибыл на остров, однако же была весьма насыщена событиями. Макалистер понимал, что погружается в мир «Дзюсан» куда более глубоко, чем планировал вначале, и этот мир оказался очень опасен.

После случая с Кимурой Соратой Генри решил сосредоточить силы на более важных вещах, потому что начал испытывать небезосновательный страх привязаться к чужим людям и воспринимать их жизнь и их проблемы как свои. Раздражение, которое вызывал в нем Кимура, было не чем иным, как первым звоночком будущей привязанности. Генри не желал, чтобы это случилось, поэтому поспешил взяться за расследование.

Генри потерял важного для себя человека и надеялся отыскать его здесь, на острове Синтар. Для полноты картины ему нужны были не только журналы из учительской, но и регистрационные тетради смотрителя маяка, исполняющего обязанности их привратника. Проблема была в том, что никто не должен узнать об интересе Макалистера. Смотритель

помогал разгружать ящики с продуктами и отвозил их в Академию, именно это время – по самым скромным подсчетам, примерно час – Генри избрал для разведки. Он собрался, как для прогулки, и отправился на побережье, к пристани.

От ворот Академии вела широкая наезженная дорога, упирающаяся в пирс. Этим путем чуть больше двух недель назад Макалистер прибыл на остров и помнил аккуратный домик смотрителя с ярко-красной черепичной крышей, как любят рисовать на английских открытках. От него вверх по склону шла узкая тропа к маяку – монолитной высокой башне в традиционную красно-белую полоску. И от маяка, и от домика так и веяло сельской пасторалью, волны с тихим шелестом ударялись о бетонные сваи деревянного пирса, и на них мерно покачивалась привязанная канатом рыбацкая лодка. В безоблачном небе пронзительно кричали чайки. Генри прошел половину пути, остановился и, задрав голову, проследил за полетом буревестника. Солнце медленно клонилось к закату, вот-вот наступит тот момент, когда оно раскаленным боком коснется водной глади, чтобы исчезнуть в глубине за считанные минуты. Мужчина свернул с дороги, погружаясь в буйные заросли магнолии и жимолости, чей резкий запах, сладкий с цитрусовыми нотками, настойчиво лез в нос. Макалистер надеялся подобраться к домику смотрителя со стороны, незаметной для посторонних глаз, поэтому был вынужден мириться с царапающими лицо и руки колючими ветками и назойливым сильным запахом, от которого потом будет непросто избавиться даже самым душистым мылом. Тропинка возникла незаметно – только что Генри продирался наугад, интуитивно придерживаясь выбранного направления, и вот под ногами зазмеилась тропка, щедро присыпанная опавшими листьями и мертвыми головками цветков магнолии.

Маяк появился перед глазами внезапно, будто выпрыгнул из зарослей, специально поджидая заплутавшего путника. Перед этим тропинка начала петлять и потихоньку идти в гору, но так, что Генри этого сразу и не заметил, просто вдруг душные объятия желтых магнолий расступились, и он уперся в гладкую каменную поверхность. На ощупь она оказалась холодной, несмотря на жаркий весенний день, и чуть шершавой в местах, где строители не так тщательно затерли цементный раствор и сразу же покрыли стену краской. Генри обошел основание башни по кругу и обнаружил широкие порожки, ведущие к дубовой, обитой железом двери в виде старомодной арки. Вероятно, сам маяк был старым, а его нынешний вид – заслуга новых владельцев острова. Возле входа разбили небольшой цветник, но розовый куст одичал, и поросль дикорастущих ромашек облепила его со всех сторон. Генри подошел к обрыву и посмотрел вниз, где волны неторопливо набегали на россыпь острых камней, торчащих из воды, как зубы исполинского морского чудовища. Пена скапливалась между камнями, и птицы летали низко, чтобы поживиться тем, что щедрое море выкидывало на скалы.

К сожалению, любованию несомненными красотами побережья не входило в планы британца. Он бросил последний взгляд с обрыва и, больше не оборачиваясь, направился по тропинке вниз по склону и скоро без проблем добрался до двери дома смотрителя. Как и ожидалось, хозяин отсутствовал, что развязывало руки бывшему полицейскому, для которого практически не существовало закрытых дверей.

Через полчаса Макалистер снова вышел на тропинку. Ничего не изменилось за это время, кроме его настроения, ставшего не в пример сумрачнее, чем было. Генри положил руки в карманы, ссутулился и быстрым шагом начал подъем в гору, собираясь вернуться в Академию тем же путем, что привел его сюда. Неудача огорчила мужчину, однако он не тешил себя иллюзией, что быстро достигнет цели. Впрочем, доводы разума слабо доходили до сердца.

Плачущие надрывные крики чаек и шум океана заполняли собой все вокруг, и Генри, к своему стыду, не сразу заметил присутствие еще одного человека, шагающего всего в паре десятков метров впереди. Макалистер едва не споткнулся, узнав в невысокой шуплой фигуре

повара Кимуру, как всегда оказывающегося где угодно, но только не на своей кухне. Иногда у британца складывалось впечатление, что тот на рабочем месте не появляется вовсе. Сбавив темп, Генри постарался аккуратно отстать от японца, но, как назло, Кимура тоже приостановился, а потом неожиданно резко развернулся.

– Макалистер-сан? – Раскосые карие глаза удивленно расширились. – Что вы...

– Нет, это вы что! – ринулся Генри в атаку, чувствуя, как при виде миленького личика шеф-повара в груди вскипает беспричинное раздражение, хотя на сей раз причина все же была. – Какого черта вы забрались так далеко от кухни?

Сората быстро взял себя в руки и совершенно спокойным тоном ответил:

– Не дальше, чем вы от комнаты коменданта.

Тут даже Генри не нашел, что возразить.

Мужчины замерли друг против друга – Кимура чуть выше, Генри почти у подножия тропы.

– Не знаю, как вы, – сдержанно заметил Сората, – но я планирую вернуться в «Дзюсан» до темноты.

И он продолжил путь, ничего не сказав, когда Макалистер догнал его и пошел рядом.

– Хотел извиниться, – зачем-то негромко пробормотал Генри. Сората вопросительно приподнял бровь. – Вы не визжали... тогда. Мне просто нужно было как-то удержать вас в сознании, и я...

– Это все, за что вы хотите извиниться, Макалистер-сан?

– Черт возьми! Вы невыносимы! – воскликнул Генри на английском и добавил, поправившись: – Для начала этого вполне достаточно.

Тропинка вынырнула к маяку, и Кимура остановился перевести дух – восхождения с его больной ногой давались парню не так легко, как он желал бы показать.

– Я принимаю ваши извинения, – наконец, сказал он, прислонившись к холодному бетону стены. – И верю, что они искренни.

Генри отвернулся, сорвал с веточки набухший бутон шиповника и неловко покрутил в пальцах. За спиной зашуршал Сората и внезапно схватил Макалистера за плечо.

– Это еще что...

– Тише! – зашипел на него японец, и Генри тоже услышал приближающиеся шаги и приглушенные голоса. Кто-то еще направлялся вверх по дорожке, и, кто бы это ни был, ему никак не миновать двух нарушителей, преступивших одно из правил Академии – не покидать территорию «Дзюсан» без разрешения замдиректора. Генри не мог допустить, чтобы его поймали, ведь это серьезно осложнит поиски. Что думал по этому поводу Сората, спрашивать было некогда, и британец в буквальном смысле силой втолкнул его в приоткрытую дверь маяка.

– Потрудитесь теперь объяснить, что это значит? – возмущенно, но не слишком громко потребовал Кимура, когда Генри закрыл тяжелую дверь. Мужчина убедился, что почти двухметровой толщины стены не пропустят наружу ни единого звука, и перевел дух.

– Вы хотите отчитываться перед мистером Акихико? Я нет.

– Не хочу. Но у меня есть причина быть здесь. А у вас? – Сората гордо вскинул голову и в упор глядел на собеседника.

– И что же это за причина? – полубопытствовал Генри.

– Доставку продуктов задержали, – с небольшой запинкой пояснил Кимура. – Я ответственен за кухню, как вы верно заметили, и должен разобраться с нарушением графика.

Вранье Генри научился распознавать еще будучи простым патрульным. Так вот, Кимура лгал, неловко, неубедительно, будто сам стыдился того, что вынужден обманывать. Доставку не задержали, иначе Генри бы здесь не оказалось. Мужчина пристально взгляделся в решительные глаза японца и отступил:

– Что ж, ваше право. Предлагаю выждать время и по отдельности вернуться в Академию.

Генри ждал ответных расспросов, но отчего-то их не последовало. То ли ложь выпила из честного потомка самураев все силы, то ли дела Генри его совершенно не волновали. Впрочем, любой из вариантов был Макалистеру на руку.

– Давайте поднимемся наверх.

Первый ярус башни занимала трансформаторная с дизель-генераторами, подающими энергию наверх, к линзе Френеля. К серой стене примыкала каменная лестница с перилами по одному краю. Ступени вели сквозь всю сорокаметровую башню по спирали, туда, где должна находиться комната смотрителя и его помощников, которых у нынешнего смотрителя не было. Генри первым начал утомительный подъем. Через равные промежутки горели слабые лампы, а сквозь маленькие смотровые оконца пробивался тусклый свет тонувшего в море светила. На одном из пролетов Макалистер остановился.

– Что случилось? – встревоженно спросил Сората, идущий следом. Генри не мог объяснить приступ тревоги, охвативший его, однако гул грома, едва просачивающийся внутрь башни, легко его объяснил.

– Кажется, скоро начнется шторм. Не уверен, но, боюсь, мы с вами застряли здесь на какое-то время.

Искомое помещение располагалось почти на самой вершине, над ней была только линза под куполообразной крышей. Комнатка выглядела обжитой, но не слишком уютной, видно было, что ее обставляли кое-как, просто чтобы заполнить пространство и создать минимум условий для возможной ночевки. Деревянный стол посередине, коренастый и прочный, несколько стульев, придвинутых к нему, у одной из стен – открытый буфет с заставленными консервами полками, а напротив примостилась узкая металлическая койка на пружинах, прикрытая шерстяным пледом из шотландки. Чуть в стороне, ближе к окну, стоял рабочий стол с телефоном и другой техникой, нужной для управления маяком. На крючках висели несколько не слишком чистых полотенец и парусиновая куртка с капюшоном.

– Вы бывали здесь раньше, мистер Кимура? – Генри прошелся по комнате и выглянул в окно. – Я впервые на маяке, а вечер предстоит не из простых и приятных. Мистер Кимура? Вы меня слушаете?

Сората молча устроился на койке, привалившись спиной к обитой деревянными панелями стене, и явно приготовился терпеливо ждать.

В молчании прошло сорок минут.

– Мистер Кимура, – не выдержал Генри, уже примерзший к неудобному стулу. – Если мы никуда не торопимся, может, поужинаем?

Повар неохотно открыл глаза.

– Вижу, вам неймется. Пропустили ужин и умираете с голоду?

В животе у кого-то громко заурчало, и Макалистер сконфуженно накрыл живот ладонью. Сората подошел к буфету, деловито закопошился на полках с продуктами и отобрал то, что можно было съесть на ужин без страха отравиться.

– Будете рисовую кашу с мясом? – Он с сомнением покрутил в руке банку. – Я бы не советовал, но выбора у вас нет.

Генри вернулся к столу:

– А вы не будете есть? Раз уж мы все равно будем обедать смотрителя. – Мужчина подумал о том, что японцу не помешала бы двойная порция, но вслух этого говорить не стал.

– Я не голоден, – отрезал Сората и вонзил острие открывалки в крышку консервов. Жест получился довольно угрожающим, и Генри решил не настаивать на совместной трапезе.

Погода окончательно испортилась. В стекло забили тугие струи дождя, сопровождаемые заглушаемыми толстыми стенами шумом ветра и раскатами грома. Здесь, внутри башни, звуки почти не доносились, и создавалось впечатление абсолютной уединенности, отрезанности от остального мира. Генри прикрыл глаза, наслаждаясь тишиной, слышно было, как Кимура постукивает ножом по доске, нарезая хлеб. Пахло пылью, немного плесенью и хлебными крошками.

– Макалистер-сан?

Генри выпрямился и пододвинул к себе миску с холодной кашей. Выглядела она преотвратно и напрочь отбивала даже самый разыгравшийся аппетит. Мужчина неуверенно потыкал в густую белесую массу вилкой и вздохнул.

– Если шторм не пройдет стороной, у нас будут большие проблемы. Смотритель задерживается, и некому зажечь маяк.

Словно в подтверждение самых печальных предположений, стекло тонко звякнуло под порывом ветра. Генри решил выглянуть наружу и потянул на себя дверь, ведущую на первую смотровую площадку. За ней все терялось в мутно-серой пелене дождя. Порывы ураганного ветра бросили в лицо мужчине горсть колючих ледяных капель, и Генри торопливо скрылся, решив не выпускать Сорату наружу, чтобы не нагнетать обстановку.

– Смотритель не придет, это очевидно, – просто сказал он, оборачиваясь к другу по несчастью. – Уже совсем темно и остров не виден с моря. Нужно увеличить периодичность светового сигнала и включить сирену на всякий случай.

Кимура внимательно выслушал распоряжения:

– Нужно найти инструкцию или что-то вроде того. Она обязана быть.

Генри быстро оглядел комнату, прикидывая, откуда начать поиск, и тут его осенило:

– Телефон! – Он ринулся к рабочему столу и достал из-под аппарата листок с отпечатанными на нем номерами. – Кому звонить? Береговой службе или Акихико Дайске?

Выбор был не из приятных, и при любом исходе оба нарушителя оказывались в дураках, и все же и тот, и другой понимали, что промедление в сложившейся ситуации опасно для проплывающих мимо судов. Генри сгреб трубку, но та безмолвствовала и не подавала никаких признаков жизни. Британец выругался.

– Не расстраивайтесь, Макалистер-сан, – Кимура подошел к столу, ободряюще улыбаясь, – давайте вернемся к первоначальному плану.

Генри собрался. В некоторой степени ощущая себя ответственным за Сорату, он не мог сейчас опустить руки, тем более, когда рядом был человек, готовый ему довериться.

– Ищите на столе, а я займусь ящиками.

Не слишком заботясь о соблюдении порядка, Макалистер углубился в недра стола, сбрасывая на пол то, что было ему не нужно. Судя по всему, смотритель хранил всякий хлам и бумажный мусор, от которого уже много лет не было никакого проку. Озвучив эту мысль вслух, Генри узнал от японца, что нынешний хозяин маяка занимает эту должность всего полтора года или чуть больше. Пальцы Генри ловко пробежались по дну одного из ящиков, неосознанно проверяя на наличие тайника, и в момент, когда Сората радостно известили, что нашел искомое, Макалистер понял, что наткнулся на один из подобных тайничков.

– Написано по-английски и по-японски. – Кимура углубился в чтение, не замечая возбуждения британца. – Я мало что в этом смысле, но, надеюсь, вдвоем разберемся.

Он, наконец, обратил внимание на Генри, по-прежнему стоящего на коленях в гряде разбросанных по полу бумажек.

– Макалистер-сан?

– А? – Он странно посмотрел на повара и рассеянно улыбнулся. – Тогда приступим.

Проходя мимо небольшого зеркала у входа, Генри поймал на себе взгляд прежнего смотрителя – серой тени с длинными обвисшими усами, выглядывающей из зазеркалья. На

миг Макалистер увидел его таким, каким он был при жизни, и смог разобрать по губам короткое: «Забери его», прежде, чем беспокойная душа растворилась в отполированной поверхности зеркала.

Даже вдвоем и с подробной инструкцией, расписанной по мельчайшим пунктам, справиться с маяком оказалось труднее, чем можно было бы предположить. Беготня по винтовой узкой лестнице утомила обоих, но результат вроде бы того стоил. Прислушавшись к низкому тревожному гулу сирены, Генри удовлетворенно закрыл за собой люк, ведущий напрямик к стеклянному куполу с линзой.

– От этого звука у меня все внутри начинает вибрировать, – пожаловался он и опустился на стул. – Ну и ночь же у нас выдалась, да, Кимура? Кимура? Сората, черт тебя дерит!

Генри не успел остановить самонадеянного японца, и тот выскользнул за дверь, будто бы не догадываясь, что штормовая погода не лучшее время для прогулок под луной. Макалистер жутко разозлился и сразу же кинулся следом, благо смотровая площадка была относительно небольшой и огорожена металлическими перилами. В лицо ударили тугие струи дождя и шквалистый ветер. Генри прикрыл лицо рукавом и вдруг увидел, как Сората вжимается в ограждение, не в силах совладать с натиском урагана. Ветер отчаянно теребил его одежду и волосы, грозя вот-вот вышвырнуть парня за борт.

– Генри! – крикнул он, протягивая ему одну руку. Сырые пряди облепили лицо, на котором британец не заметил паники, такова оказалась настоящая японская выдержка. Макалистер высунулся из-за двери и попробовал дотянуться до Кимуры. Не вышло.

– Держись! – Он ухватился одной рукой за косяк, а другой схватил первое, что попало, – развевающиеся волосы японца. Сората мужественно вытерпел резкую боль, и скоро оказался в безопасности. Генри разжал кулак и выпустил зажатый в нем хвост. С Кимуры ручьем стекала дождевая вода, но в целом он не пострадал.

– Вы идиот! – эмоционально выпалил шотландец, который и сам успел вымокнуть, впрочем, не до такой степени, чтобы походить на мокрого взъерошенного галчонка. – Какого черта вас туда понесло, а?

Мужчина решительно взял Кимуру в оборот, заставив стянуть насквозь мокрую водолазку. В одних широких штанах парень выглядел как-то по-особенному грустно – брюки держались практически только за счет ремня и, если бы не неожиданно рельефная мускулатура, его можно было бы без сомнений назвать тощим. Дышал Сората тяжело и глубоко.

– Вас нужно переодеть, – закончил Генри осмотр, – но сначала как следует вытереть.

Установив для себя порядок действий, Макалистер живо принялся за их выполнение, притащил пару полотенец, в одно ловко закутал парня, а второе накинул ему на голову, намекая, что сушить волосы тот должен самостоятельно. В глазах японца прочиталось облегчение, все-таки Генри имел понятие о личном пространстве и задетой мужской гордости.

– Благодарю, – сдержанно кивнул Кимура и принялся заниматься волосами, пока британец включал древний даже на вид масляный обогреватель и вешал на поставленный рядом стул сырую водолазку. Вернувшись к Сорате, он велел ему укрыться пледом, пока пронизывающий до костей холод не спровоцировал воспаление легких. Кроме залежей тронутых ржавчиной банок, за закрытыми дверцами буфета обнаружилось еще кое-что любопытное. Когда Сората в первый раз громко чихнул, Генри достал из шкафа пару бутылок красного и чайные бокалы.

– Я знаю, что вам поможет, мистер Кимура, – бодрым голосом, потонувшем в реве противотуманной сирены, сообщил мужчина и выставил свои находки на стол. – Простуду как рукой снимет, это я вам точно говорю.

О том, что для Сораты, при таком-то весе и в полуголодном состоянии, даже полстакана крепленого вина могли стать фатальными, Генри как-то не подумал.

Японец выпил предложенную дозу за пару глотков, как дети пьют невкусное лекарство. Очень скоро лицо его порозовело, будто вся оставшаяся в теле кровь – а ее было, похоже, немного – прилила к щекам. Глаза подозрительно заблестели, и парень хихикнул.

– Что смешного?

Сората прикрыл рот ладонью, но смех буквально лез из него наружу. Генри заинтересованно подался вперед:

– Что смешного? Я не понимаю.

– А вам не кажется это смешным? – Кимура бросил на собеседника хитрый взгляд. – Куда бы я ни пошел, всегда встречаю вас, даже там, где вас точно быть не может. Что вас понесло в лес и как вы оказались в храме?

– Я бы задал вам тот же вопрос.

– Думаете, я вам тогда солгал? Какой в этом смысл? – парень поджал под себя ноги и плотнее запахнул край одеяла. – Кстати, на следующий день я пытался поговорить о произошедшем с Руми, но она утверждает, что ничего не помнит с самого обеда. Странно, да? И если бы не это, – Сората продемонстрировал перевязанные руки и шею, секунду назад смеющийся голос поник, становясь затравленным, готовым вот-вот перейти в истерику, – тоже решил бы, что это просто дурной сон. Очень дурной сон. И знаете, мне до сих пор страшно, я постоянно вижу ее во сне.

Генри не знал, стоит ли что-то говорить. Он лично видел, как Руми возвращалась в Академию поздно вечером, и ее внезапная амнезия действительно была очень странной. Буря за окном набирала силу, ревела разбуженным зверем и плевалась острыми, как колючки, дождевыми струями, отчего казалось, будто в стекло кто-то стучал. Тепло от обогревателя осторожно лизало сырые ботинки, но выше воздух неприятно холодил кожу. Генри покрутил в руке полупустой бокал, подбирая слова:

– Понимаю, – кивнул он, сам не понимая, зачем желает утешить чужого себе человека. – Нет, правда понимаю. Я помню, сначала, в первый раз, от страха чуть в обморок не... – поймав на себе недоуменный взгляд Сораты, поспешил сменить тему. – Не важно. Скоро все забудется. Человеческая память странная штука. Так что просто представьте, что ничего не было.

Кимура замер на мгновение, а потом выдавил:

– Представить? Если бы я мог, именно так бы и сделал уже давно. Но от призраков прошлого просто так не избавиться.

– И много у вас призраков? – Генри не смог сдержать горечи в голосе. – Готов поспорить, меньше, чем у меня. Унылые японские приведения – вам бы они очень подошли.

– Что вы имеете в виду?

Макалистер представил себе жуткую девочку, которая отчего-то решила опекать повара, и хмыкнул:

– Вы себя со стороны видели? Олицетворение самурайской гордости в мини-варианте. Не подумайте, что я имею что-то против. Мне вообще все равно. Я сюда по делу прибыл.

Серьезный тон, которым он закончил фразу, наверняка не укрылся от Сораты, но тот был, похоже, уже слишком расслаблен, чтобы насторожиться.

– Да вы тот еще затейник, Макалистер-сан. У всех, кто оказался на этом острове, найдутся свои причины. Но по делу сюда еще никто не приезжал.

– А вы, кажется, успели запьянеть, мистер Кимура, – с тихим смешком заметил Генри и отпил из своего бокала, чувствуя, как теплеет в груди. – Или мне называть вас моя фея? М? Интересно, а что с вами будет дальше? Пьяные излияния и слезы в жилетку? Учтите, я не самый лучший кандидат в утешители.

Кимура заерзал на койке, мерзко скрипя пружинами, и словно бы взял себя в руки:

– Хотите, чтобы я придумал для вас более подходящую роль? Что ж, как насчет детектива? Вы очень ловко жонглируете вопросами и избегаете ответов. И да, я пьян. Совсем уже забыл это нелепое чувство. – Он, забывшись, дернул рукой, и красная жидкость из бокала выплеснулась ему на колени. – И не надо меня дразнить, вам это не идет.

Генри поднялся со стула и подошел к парню:

– Могу плеснуть еще, чтобы лучше вспоминалось. И себе заодно, чтобы не чувствовать себя единственным трезвым на студенческой вечеринке. Если понимаешь, о чем я. – Он вернулся к столу и наполнил бокалы. – Во что хочешь поиграть? В вопросы и ответы?

Сората, сжав бокал ладонями, задумчиво припал губами к его краю:

– Не понимаю, но вижу, что идея вам нравится. Мы наверняка застряли здесь надолго, и я не хочу отказывать себе в удовольствии лицезреть вас пьяным. Так будет честно. И поиграть тоже можно.

– Не дожدهшься! – Генри ударил по столу. – Шотландцам нет равных в распитии спиртных напитков, ты еще пожалеешь, что бросил мне вызов. Ну, кто начнет спрашивать первым?

– Вызов? – Кимура хитро прищурился. – Почему ты настроен ко мне так враждебно? Можешь считать это первым вопросом.

Никто из них не заметил, как они перешли на «ты». Ливень стучал по стенам, а откуда-то снизу доносился гул, волны накатывали на скалистый берег, стремясь сокрушить основание башни и сломить ее стойкое сопротивление стихии. Макалистер понял, что все это время задерживал дыхание, и прерывисто выдохнул:

– Первый удар и сразу так метко! Что бы мне ответить? По правилам, только правду. – Он хотел придумать наиболее щадящее объяснение, но с языка сорвалось вовсе не то. – У меня есть цель, а ты меня отвлекаешь. Не спорю, без умысла, но я ничего не могу поделать с желанием отвлекаться на тебя. Сойдет?

Сказал и торопливо опустил глаза.

– Звучит несколько двусмысленно, – наконец, после некоторой заминки, протянул Сората. – Пока ты еще трезв, хочу внести ясность – я не трансвестит, не гей и вообще не тот, за кого ты меня принимаешь. Но ладно. Будем считать, что принято. Плесни еще.

Макалистер моментально встал на дыбы:

– Подожди! С чего ты взял, что меня волнует твоя ориентация? – От переизбытка чувств он побагровел, что свойственно всем рыжеволосым. – Да спи ты с кем хочешь, только меня не трогай! Я совершенно нормальный, понятно тебе?!

Он непримиримо вздернул подбородок и весьма воинственно уставился на Кимуру, будто надеясь, что тот начнет его разубеждать, что тот и сделал в своеобразной манере:

– Хочешь сказать, что это я ненормальный? Могу заверить, что предпочитаю спать один. Но если придется выбирать себе компанию на ночь, ты будешь стоять в списке последним.

Британец гневно прищурился:

– Почему же?! Чем таким, скажи, я тебя не устраиваю?

– Может, тем, что вы мужчина?

Горячность Генри моментально сошла на нет, прокашлявшись, он как ни в чем не бывало продолжил:

– Моя очередь, да? Тогда пока и ты еще трезв, скажи-ка, что сам забыл на этом острове?

И Генри приготовился наблюдать реакцию собеседника, потихоньку переходящего в разряд противников.

– Все еще изображаешь детектива? – ответил вопросом на вопрос Сората. – Подходящая роль, ничего не скажешь.

– Благодарю, я польщен. – Генри подвинул стул ближе к койке, чтобы иметь возможность следить за малейшими изменениями в лице «допрашиваемого». – И раз уж я, по-тво-

ему, исполняю роль детектива, то кто ты? Преступник или жертва? Повар с простреленной ногой – диковина даже для такого криминального города, как Лондон. Ты спасаешься от смерти или от наказания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.